

ПЫТКИ И БЕСЧЕЛОВЕЧНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Статья 7

Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство видам обращения или наказания. В частности, ни одно лицо не должно без его свободного согласия подвергаться медицинским или научным опытам.

Статья 10

1. Все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности.
2. а) Обвиняемые в случаях, когда отсутствуют исключительные обстоятельства, помещаются отдельно от осуждённых и им предоставляется отдельный режим, отвечающий их статусу неосуждённых лиц.
б) обвиняемые несовершеннолетние отделяются от совершеннолетних и в кратчайший срок доставляются в суд для вынесения решения.
3. Пенитенциарной системой предусматривается режим для заключённых, существенной целью которого является их исправление и социальное перевоспитание. Несовершеннолетние правонарушители отделяются от совершеннолетних и им предоставляется режим, отвечающий их возрасту и правовому статусу.

ВВЕДЕНИЕ

Подобно праву на жизнь (статья 6), запрет на применение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания (статья 7) также является абсолютным правом в том смысле, что не допускается никаких отступлений от соблюдения этого права даже во время чрезвычайных ситуаций (см. пункт 2 статьи 4). Что касается лишённых свободы лиц, статья 7 дополняется положениями статьи 10 о гуманном отношении к лицам, лишённым свободы, и об определенных аспектах условий содержания под стражей.

В отличие, например, от Европейского Суда по правам человека, Комитет не считает необходимым в каждом конкретном случае определять, является ли обращение, противоречащее статье 7, “пытками” или же оно является “жестоким обращением”, “бесчеловечным обращением” и т.п. В своем Замечании общего порядка № 20 (44), принятом в 1992 году, Комитет следующим образом объяснил свою позицию: “В Пакте не содержится какого-либо определения понятий, охватываемых статьёй 7, и Комитет не считает необходимым разрабатывать перечень запрещённых действий или устанавливать чёткие разграничения между различными формами наказания или обращения; эти разграничения зависят от характера, цели и жестокости применяемого обращения”¹. Этот подход, по крайней мере частично, объясняется включением слова “жестоким” в статью 7, что затрудняет применение такого дифференцированного подхода, как тот, который применяется в рамках Европейской конвенции о защите прав человека, не содержащей этого конкретного понятия.

В данном разделе приводятся четыре дела, связанные с применением статей 7 и 10. В первом деле, *Теран Хихон против Эквадора*, подчеркивается подход Комитета к вопросам, связанным с бременем доказывания, в отношении заявлений о пытках или недопустимом обращении, а также определяется метод, применяемый Комитетом при совместном рассмотрении вопросов, поднимаемых по статьям 7 и 10. Такой подход применялся также в деле *Зелайя Бланко против Никарагуа* (Сообщение № 328/1988)². В этом деле демонстрируется особое внимание Комитета к обязанности государства-участника проводить расследования любых заявлений о пытках или недопустимом обращении, что также нашло свое отражение в Замечании общего порядка № 20, где Комитет говорит о том, что амнистии в отношении актов пыток несовместимы с положениями Пакта³. В том же контексте Комитет подчеркивает и важность превентивных обязательств государства-участника по статье 7:

Следует отметить, что систематический контроль за соблюдением правил, инструкций, методов и практики проведения допросов, а также положений, касающихся содержания под стражей лиц, подвергаемых аресту, задержанию или лишению свободы в какой бы то ни было форме, и обращения с ними, представляет собой эффективное средство недопущения пыток и плохого обращения. Для обеспечения эффективной защиты содержащихся под стражей лиц необходимо принимать меры к тому, чтобы они содержались в местах, официально признанных в качестве мест содержания под стражей, а их фамилии и места содержания под стражей, равно как и фамилии лиц, ответственных за их содержание под стражей, указывались в реестре, доступном для заинтересованных лиц, в том числе для родственников и друзей. В этих же целях должно фиксироваться время и место проведения всех допросов, а также фамилии всех присутствующих там лиц, и эта информация также должна быть доступной для целей судебного и административного разбирательства. Следует также принимать меры в целях запрещения содержания под стражей без права переписки и общения. В этой связи государства-участники должны обеспечить, чтобы во всех местах задержания не устанавливалось какого-либо оборудования, которое можно было бы использовать для пыток или недопустимого обращения. Защита содержащегося под стражей лица предполагает также обеспечение своевременного и регулярного доступа к врачам и адвокатами, под надлежащим контролем, и, если того требуют интересы следствия, к членам семьи.⁴

В то время как совместное рассмотрение вопросов по статьям 7 и 10 в делах *Терана Хихона* и *Зелайя Бланко* привело к выводу о том, что имели место нару-

¹ Пункт 4 Замечания общего порядка № 20 (44). UN doc. GRI/GEN/1/Rev.5, сс. 139-141. Замечание общего порядка № 20 заменило принятое ранее Замечание общего порядка № 7 (16) от 1982 года.

² *Роберто Зелайя Бланко против Никарагуа* (Сообщение № 328/1988), Сообщение, принятое 20 июля 1994 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, сорок девятая сессия, Дополнение № 40 (A/39/40), сс. 12-19.

³ Там же, пункты 13-15.

⁴ Там же, пункт 11.

шения этих двух положений, рассматривались также другие дела, в которых было установлено только нарушение статьи 10. Избиение полицейскими после ареста и плачевные условия содержания в камере предварительного заключения привели к выводу о нарушении статей 7 и 10 в деле *Зилберт Дэйли против Ямайки* (Сообщение № 750/1997).⁵ В том же деле еще одно нарушение статьи 10 (но не статьи 7) было установлено в связи с общими условиями содержания в тюрьме после осуждения и с проявлениями жестокости со стороны других заключенных. В сравнительно недавнем деле *Сэнди Секстус против Тринидада и Тобаго* (Сообщение № 818/1998), Комитет разъяснил свой подход к совместному рассмотрению вопросов по статьям 7 и 10 следующим образом: “В свете этого вывода, касающегося статьи 10 - нормы Пакта, конкретно предусматривающей положение лиц, лишенных свободы, и содержащей элементы, касающиеся подобных лиц, которые обычно предусматриваются статьей 7, нет необходимости отдельно рассматривать утверждения, связанные со статьей 7”⁶. Читателю также рекомендуется ознакомиться с делом *Полай Кампос против Перу*, которое приводится в разделе о справедливом судебном разбирательстве. По мнению Комитета, тот факт, что заключенный “был показан прессе сидящим в клетке, составляет унижающее достоинство человека обращение, противоречащее статье 7, и обращение, несовместимое с положениями пункта 1 статьи 10, поскольку при этом не было проявлено уважение к человеческому достоинству, присущему личности” (пункт 8.5). Другое нарушение того же положения было установлено в связи с полной изоляцией г-на Полая Кампоса в течение одного года и ограничением его переписки с родными (пункт 8.6). Далее, третий вывод о нарушении статей 7 и 10 был сделан в отношении общих условий содержания г-на Полая Кампоса в тюрьме, особенно его изоляции на 23 с половиной часа в сутки в маленькой камере, а также того факта, что он не мог видеть дневной свет более 10 минут в день (пункт 8.7).

В приведенном ниже деле *Джордж Осбурн против Ямайки* было установлено, что телесные наказания являются нарушением статьи 7. Автор был приговорен к десяти ударам розгами. Комитет сделал вывод о том, что телесные наказания представляют собой жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и наказание, и что одно только вменение такого наказания является нарушением статьи 7.

Так называемый “синдром камеры смертников”, т.е. психологическое воздействие ожидания смертной казни, является предметом рассмотрения многих дел по Факультативному протоколу. Несмотря на высказанные несколькими членами Комитета особые мнения, Комитет принял и придерживается точки зрения

⁵ *Зилберт Дэйли против Ямайки* (Сообщение № 750/1997), Соображения, принятые 31 июля 1998 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, пятьдесят третья сессия, Дополнение № 40 (A/53/40), сс. 235-241.

⁶ *Сэнди Секстус против Тринидада и Тобаго* (Сообщение № 818/1998), Соображения, принятые 16 июля 2001 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, UN doc. A/56/40 (Vol. II), сс. 111-121, пункт 7.4.

о том, что одну лишь продолжительность периода времени между вынесением приговора и его приведением в исполнение нельзя квалифицировать как нарушение статьи 7. Для такого вывода необходимо продемонстрировать наличие некоторых “дополнительных исключительных обстоятельств”. Подход Комитета объясняется в приведенном ниже деле *Эррал Джонсон против Ямайки*. Если автор или адвокат не могли доказать наличие каких-либо дополнительных исключительных обстоятельств, такой подход применялся даже в случаях исключительно длительных задержек, как, например, в деле *Рамчаран Биккару против Тринидада и Тобаго* (Сообщение № 555/1993)⁷. Однако нарушения статьи 7 были установлены в тех случаях, когда имели место дополнительные исключительные обстоятельства, такие как губительные последствия для психического состояния приговоренного к смертной казни⁸ или неоправданное продление его страданий после вынесения решения о приведении приговора в исполнение⁹.

Вопрос о способе приведения в исполнение смертного приговора также поднимался по статье 7. Комитет принял точку зрения о том, что хотя в Пакте не устанавливается немедленного обязательства по отмене смертной казни, конкретный метод казни может представлять собой такой вид обращения или наказания, который является нарушением статьи 7¹⁰. В приведенном ниже деле *Чарльз Читат Нг против Канады* Комитет пришел к выводу, что удушение цианистым газом является нарушением статьи 7. В своем обосновании Комитет также отметил возможность признания *любого* приведения смертного приговора в исполнение жестоким и бесчеловечным обращением по смыслу статьи 7; эта точка зрения получила дальнейшее развитие в особом мнении г-на Агилара Урбины.

В деле *Нг* представлен также и другой аспект практики Комитета по статье 7, а именно рассмотрение вопроса об отказе в возвращении [*non-refoulement*]. В своем Замечании общего порядка № 20 Комитет делает вывод, что статья 7 налагает обязательство не подвергать лиц “опасности применения пыток или жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания по их возвращении в другую страну посредством выдачи, высылки или возвращения (*refoulement*)”¹¹. Канада выдала г-на Читата Нг Соединенным Штатам, тем самым нарушив статью 7.

В подобном недавнем (2002 год) деле *С. против Австралии* (Сообщение № 900/1999) было установлено двойное нарушение статьи 7, так как го-

⁷ *Рамчаран Биккару против Тринидада и Тобаго* (Сообщение № 555/1993), Сообщения, принятые 29 октября 1997 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, пятьдесят третья сессия, Дополнение № 40 (A/53/40), сс. 15-20.

⁸ *Клемент Фрэнсис против Ямайки* (Сообщение № 606/1994), Сообщения, принятые 25 июля 1995 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, пятидесятая сессия, Дополнение № 40 (A/50/40), сс. 130-139.

⁹ *Эрл Пратт и Айван Морган против Ямайки* (Сообщения №№ 210/1986 и 225/1987), Сообщения, принятые 6 апреля 1989 года, Доклад Комитета по правам человека, GAOR, сорок четвертая сессия, Дополнение № 40 (A/44/40), сс. 222-231.

¹⁰ См. также Замечание общего порядка № 20 (44) (*выше*, прим. 1), пункт 6.

¹¹ *Там же*, пункт 9.

сударство-участник не приняло соответствующих мер для прекращения затянувшегося содержания автора в иммиграционном лагере, несмотря на ухудшение его психического состояния, и, кроме того, Австралия, несмотря на признание своего обязательства обеспечить защиту посредством предоставления автору статуса беженца, в связи с угрозой преследований по религиозным мотивам, тем не менее решила депортировать его в Иран, где он вряд ли мог получить необходимую медицинскую помощь.¹²

До настоящего времени не рассматривалось ни одно дело по второму предложению статьи 7, в котором запрещается проводить медицинские или научные опыты без свободного согласия заинтересованного лица. В Замечании общего порядка № 20 Комитет отметил, что особую защиту в связи с проведением таких опытов следует обеспечить для лиц, не способных давать предусмотренное законом согласие, в частности, лиц, которые подвергаются какой-либо форме содержания под стражей или лишения свободы. “Эти лица не должны являться объектом медицинских или научных опытов, которые могут причинить вред их здоровью”¹³.

В 1992 году Комитет принял свое Замечание общего порядка № 21 (44) по статье 10, где подчеркивается, что пункт 1 статьи 10 применим в отношении любых лиц, лишенных свободы, а не только тех, кто содержится под стражей в качестве подозреваемых или осужденных за совершение преступления¹⁴. Важным элементом этого Замечания общего порядка является то, что в нем приводится прямая ссылка на соответствующие нормы “мягкого права” ООН¹⁵, которые рассматриваются как имеющие отношение к толкованию статьи 10, и, кроме того, подчеркивается, что минимальные нормы гуманного обращения не должны находиться в зависимости от материальных ресурсов, которыми располагает государство-участник¹⁶. Такой же подход применялся и в практике Комитета по Факультативному протоколу, что можно наблюдать в деле *Альберт Вомах Мунконг против Камеруна* (Сообщение № 458/1991), где Комитет подчеркнул, что

¹² *C. против Австралии* (Сообщение № 900/1999), Соображения, принятые 28 октября 2002 года, UN doc. CCRP/C/76/D/900/1999. Три члена Комитета (г-н Андо, г-н Кляйн и г-н Ялден) представили по этому пункту особые мнения.

¹³ Замечание общего порядка № 20 (44) (*выше*, прим. 1), пункт 7.

¹⁴ См. пункт 2 Замечания общего порядка 21 (44), которое было принято вместо Замечания общего порядка № 9 (16) от 1982 года. UN doc. HRI/GEN/1/Rev.5, сс. 141-143.

¹⁵ Государствам-участникам предлагается указывать в своих докладах, в какой степени они применяют соответствующие установленные Организацией Объединённых Наций нормы, касающиеся обращения с заключёнными: Минимальных стандартных правил обращения с заключёнными (1957 год), Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (1988 год), Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (1978 год) и Принципов медицинской этики, относящихся к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, для защиты заключённых или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1982 год). *Там же*, пункт 5.

¹⁶ *Там же*, пункт 4.

“определенные минимальные нормы, касающиеся условий содержания под стражей должны соблюдаться независимо от уровня развития того или иного государства-участника” и определил, что условия содержания автора под стражей были настолько суровыми, что представляли собой жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, в нарушение статьи 7 Пакта¹⁷.

В деле *Утон Льюис против Ямайки* (Сообщение № 527/1993) было установлено нарушение пункта 1 статьи 10 в связи с отказом в предоставлении медицинской помощи¹⁸. В недавнем (2002 год) деле *Александр Желудков против Украины* (Сообщение № 726/1996) было установлено нарушение того же положения в связи с отказом в предоставлении заключенному его медицинской карточки, без каких-либо объяснений причин такого отказа¹⁹.

Пункты 2 и 3 статьи 10 касаются вопросов отдельного содержания различных групп заключенных, а также требования, чтобы существенной целью пенитенциарной системы являлось исправление и социальное перевоспитание заключенных. В своем Замечании общего порядка № 21 Комитет подчеркивает право обвиняемых содержаться отдельно от осужденных, чтобы подчеркнуть их статус неосужденных лиц, которые в то же время имеют право считаться невиновными²⁰. Со ссылкой на пункт 5 статьи 6 Комитет определил, что все лица моложе 18 лет должны считаться несовершеннолетними по смыслу статьи 10²¹. Нарушение пункта 2 статьи 10 было установлено в деле *Дитер Вольф против Панамы* (Сообщение № 289/1988), так как автор, будучи обвиняемым, содержался вместе с осужденными лицами²². В деле *Дамиан Томас против Ямайки* (Сообщение № 800/1998) были установлены нарушения пунктов 2 и 3 статьи 10 и статьи 24 в связи с тем, что автор содержался вместе со взрослыми как после ареста за совершение преступления, когда ему было 14 лет, так и во время отбывания срока тюремного заключения, которое началось, когда ему было 15 лет²³.

¹⁷ Соображения Комитета приводятся в разделе о свободе выражения мнений, свободе собраний и ассоциаций.

¹⁸ *Утон Льюис против Ямайки* (Сообщение № 527/1993), Соображения, принятые 18 июля 1996 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, пятьдесят первая сессия, Дополнение № 40 (A/51/40), сс. 89-97.

¹⁹ *Александр Желудков против Украины* (Сообщение № 726/1996), Соображения, принятые 29 октября 2002 года, UN doc. CCPR/C/76/D/726/1996. Три члена Комитета (г-н Андо, г-н Бхагвати и г-н Ривас Посада) высказали особые мнения по этому пункту, а г-жа Медина Кирого пришла к заключению о наличии более широких оснований для вывода о нарушении пункта 1 статьи 10.

²⁰ Замечание общего порядка № 21 (44) (*выше*, прим. 13), пункт 9.

²¹ *Там же*, пункт 13.

²² *Дитер Вольф против Панамы* (Сообщение № 289/1988), Соображения, принятые 26 марта 1992 года, Доклад Комитета по правам человека, GAOR, сорок седьмая сессия, Дополнение № 40 (A/47/40), сс. 285-291.

²³ *Дамиан Томас против Ямайки* (Сообщение № 800/1998), Соображения, принятые 8 апреля 1999 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, пятьдесят четвертая сессия, Дополнение № 40 (A/54/40), сс. 276-280.

5. СООБЩЕНИЕ № 277/1988, ТЕРАН ХИХОН ПРОТИВ ЭКВАДОРА

Доклад Комитета по правам человека, GAOR, сорок седьмая сессия, Дополнение № 40 (A/47/40), сс. 269-275. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 21 января 1988 года

Соображения приняты: 26 марта 1992 года (сорок четвертая сессия)

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

Факты в изложении автора

1.1 Автором сообщения является гражданка Эквадора Мариета Теран Хихон, 1929 года рождения, проживающая в Кито, Эквадор. Она представляет сообщение от имени своего сына Хуана Фернандо Терана Хихона, гражданина Эквадора, 1966 года рождения, который во время представления сообщения [...] находился в тюрьме “Гарсиа Морено” в Кито [...].

1.2 [...] После освобождения Хуан Теран Хихон подтвердил правильность утверждений своей матери и присоединился к сообщению в качестве соавтора, выразив желание, чтобы Комитет приступил к рассмотрению дела.

1.3 Хуан Фернандо Теран Хихон был арестован 7 марта 1986 года в Кито сотрудниками подразделения полиции по борьбе с подрывной деятельностью [...]. Он утверждает, что в течение пяти дней его держали без связи с внешним миром, в кандалах и с завязанными глазами, подвергали физическим и психическим пыткам [...]. Затем он был переведен в тюрьму “Гарсиа Морено”. [...]

1.4 Ему было предъявлено обвинение в участии в ограблении банков [...], совершенном 7 марта 1988 года [...]. Он отрицает свою причастность к этому преступлению.

1.5 27 января 1987 года второй суд по уголовным делам Пичинчи признал его виновным и приговорил к тюремному заключению сроком на один год. Несмотря на полное отбытие срока - 7 марта 1987 года и распоряжение суда о его освобождении - 9 марта 1987 года, он был не освобожден, а повторно осужден, как утверждает, по тем же основаниям и за то же преступление.

1.6 [...] 18 марта 1988 года [г-н Теран Хихон] был освобожден до нового рассмотрения уголовного дела, связанного с обвинениями в противозаконном ношении огнестрельного оружия. 22 августа 1989 года четвертая палата верховного суда сняла данные обвинения; она пришла к выводу, что повторное осуждение автора в январе 1987 года является нарушением статьи 160 уголовного-процессуального кодекса, согласно которой никто не может быть судим и осужден дважды за одно и то же преступление.

Жалоба

2. Утверждается, что Хуан Теран Хихон является жертвой нарушения Эквадором статьи 7 Пакта, поскольку после его ареста он был подвергнут пыткам и грубому обращению, отчасти для того, чтобы получить от него признание и

заставить подписать чистые листы бумаги, о дальнейшем использовании которых ему ничего сообщено не было; автор добавляет, что ему не разрешили встретиться с адвокатом. Далее утверждается, что он является жертвой нарушения пункта 1 статьи 9, потому что он был подвергнут произвольному аресту и содержанию под стражей, поскольку, как утверждается, в ограблении банка он не участвовал; в этом контексте было заявлено, что полицейский протокол, где содержались улики против него, был фальсифицирован министерством, отвечающим за работу полиции [...]. Автор ссылается далее на нарушение пункта 3 статьи 9, потому что он не был без промедления доставлен к судье. Факт повторного осуждения по тем же основаниям и за то же преступление квалифицируется как нарушение принципа *ne bis in idem*.

[...]

3.3 Государство-участник отрицает, что г-н Теран Хихон когда-либо подвергался в заключении грубому обращению. Оно утверждает далее, что судебное разбирательство по делу автора всегда проводилось в соответствии с процедурами, установленными в эквадорском праве.

3.4 Что касается второго осуждения г-на Терана Хихона, то, согласно пояснениям государства-участника, основанием для него послужили не обвинения в ограблении банков, а обвинения в незаконном ношении огнестрельного оружия.

Вопросы и процедуры их рассмотрения в Комитете

4.1 На своей тридцать девятой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения и отметил, что государство-участник, отвечая на вопросы по существу, не указало, было ли проведено или проводится ли в настоящее время следствие по заявлениям о пытках, а также не сообщило, что у автора по-прежнему имеются эффективные внутренние средства правовой защиты. В этих обстоятельствах Комитет пришел к выводу, что требования пункта 2(b) статьи 5 Факультативного протокола были выполнены.

4.2 Комитет отметил далее, что в связи с представленными фактами, по всей видимости, возникают вопросы по положениям Пакта, на которые авторы конкретно не ссылались. Он подчеркнул, что, хотя авторы обязаны ссылаться на содержащиеся в Пакте материальные права, однако для целей Факультативного протокола при этом необязательно ссылаться на конкретные статьи Пакта. Для оказания помощи государству-участнику в подготовке его сообщения согласно пункту 2 статьи 4 Факультативного протокола Комитет предложил государству-участнику рассмотреть утверждения: а) по статье 10 Пакта - о том, что Хуан Теран Хихон во время содержания под стражей подвергался грубому обращению, б) по пункту 3b статьи 14 - о том, что после его ареста ему не разрешили встретиться с адвокатом, с) по пункту 3g статьи 14 - о том, что его заставили подписать чистые бланки протокола о признании ; д) что в январе 1987 года он был осужден за то же преступление, за которое

он уже был осужден и приговорен, в связи с чем, по-видимому, возникают вопросы по пункту 7 статьи 14.

4.3 В этой связи 4 июля 1990 года Комитет объявил сообщение приемлемым в той части, в какой в связи с ним, по всей видимости, возникают вопросы по статьям 7, 9, 10 и 14 Пакта.

4.4 Государство-участник не ответило на запрос Комитета о предоставлении информации и замечаний, несмотря на напоминание, которое ему было направлено 29 июля 1991 года.

5.1 Комитет рассмотрел сообщение с учетом всех данных, представленных ему сторонами, как того требует пункт 1 статьи 5 Факультативного протокола. Что касается существа утверждений авторов, то Комитет с обеспокоенностью отмечает, что государство-участник ограничило заявлениями общего характера, категорически отрицающая факт грубого обращения с автором в какое бы то ни было время и утверждая при этом, что дело рассматривалось в соответствии с требованиями права Эквадора. Пункт 2 статьи 4 Факультативного протокола обязывает государство-участника добросовестно расследовать все выдвинутые против него и его судебных органов утверждения о нарушениях Пакта и достаточно подробно сообщить Комитету о мерах, если такие имели место, которые были приняты для исправления положения. Отрицание этих утверждений в целом, как это имело место в настоящем случае, не соответствует требованиям пункта 2 статьи 4. В данном случае необходимо должным образом изучить утверждения авторов в той степени, в какой они были подкреплены фактами.

5.2 Г-н Теран утверждает, что во время содержания под стражей он подвергался пыткам и грубому обращению, в частности в течение пяти дней его держали в наручниках с завязанными глазами; государство-участник отрицает это утверждение. Комитет отмечает, что в подтверждение своего заявления г-н Теран представил доказательство; в медицинском заключении, составленном 13 марта 1986 года, т.е. вскоре после его ареста, отмечаются гематомы и многочисленные повреждения кожи [...] на всем теле. Кроме того, автор утверждает, что его заставили подписать более десяти чистых листов бумаги. По мнению Комитета, это достаточно убедительное доказательство того, что он подвергался такому обращению, которое запрещено статьей 7 Пакта, и что в нарушение пункта 1 статьи 10 (с) ним обращались, попирая его достоинство, присущее человеческой личности.

5.3 Что касается утверждения авторов о нарушении пункта 1 статьи 9, то Комитет не располагает достаточными доказательствами относительно того, что арест г-на Терана был произвольным и юридически необоснованным. С другой стороны, Комитет отмечает, что г-н Теран содержался под стражей на основании второго осуждения, впоследствии аннулированного, с 9 марта 1987 года по 18 марта 1988 года. В этих обстоятельствах Комитет заключает, что его нахождение в задержании в течение года после постановления об освобождении 9 марта 1987 года составляет незаконное задержание по смыслу пункта 1

статьи 9 Пакта. Кроме того, г-н Теран утверждал, что он содержался в полной изоляции в течение пяти дней и не был доставлен к судье и был лишен возможности воспользоваться услугами адвоката, чего государство-участник не отрицало. Комитет считает, что это является нарушением пункта 3 статьи 9.

5.4 В отношении утверждения г-на Терана о том, что государство-участник нарушило пункт 7 статьи 14 Пакта, поскольку он был повторно осужден за те же действия, которые лежали в основе его первого судебного разбирательства и осуждения, Комитет отмечает, что пункт 7 статьи 14 запрещает вторичное осуждение или наказание за преступление, за которое он уже был осужден или оправдан. В данном конкретном случае, хотя второе осуждение касается конкретного элемента того же вопроса, который рассматривался в ходе первого осуждения, г-н Теран не был осужден или наказан во второй раз, поскольку Верховный суд аннулировал обвинение, сославшись на принцип *ne bis in idem*. Поэтому Комитет заключает, что не было нарушения пункта 7 статьи 14 Пакта.

6. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушениях статьи 7, пунктов 1 и 3 статьи 9 и пункта 1 статьи 10.

7. Комитет считает, что Хуан Фернандо Теран Хихон имеет право на правовую защиту, включая надлежащую компенсацию. Государство-участник обязано провести расследование вопроса о том, почему были приложены к делу более десяти листов бумаги, подписанные г-ном Тераном Хихоном под давлением, проследить, чтобы эти документы были возвращены ему или уничтожены, и обеспечить, чтобы аналогичные нарушения в будущем не повторялись.

[...]

Примечание редактора: Г-н Веннергрэн согласился с соображениями Комитета, за исключением сделанного Комитетом в пункте 5.2 вывода о том, что факт подписания десяти чистых листов бумаги не является предметом обсуждения в рамках пункта 3(g) статьи 14. По его мнению, эта статья также была нарушена.

6. СООБЩЕНИЕ № 759/1997, ДЖОРДЖ ОСБУРН ПРОТИВ ЯМАЙКИ

Доклад Комитета по правам человека, том II, GAOR, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 40 (A/55/40), сс. 133-139. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 12 июня 1997 года

Соображения приняты: 15 марта 2000 года (шестьдесят восьмая сессия)

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автор сообщения, Джордж Осбурн, является ямайским гражданином и в настоящее время находится в Кингстонской тюрьме общего режима на Ямайке. Он утверждает, что стал жертвой нарушения Ямайкой статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет г-н Сол Лерфреунд из лондонской юридической фирмы “Саймонс Мюирхед энд Бёртон”.

Факты в изложении автора

2.1 В октябре 1994 году Вестморлендский окружной суд в Саванна-ла-Мар признал автора вместе с его сообщником виновными в незаконном владении огнестрельным оружием, разбойном нападении при отягчающих обстоятельствах и преднамеренном нанесении телесных повреждений. Он был приговорен к 15 годам лишения свободы с исправительно-трудовыми работами и 10 ударам розгами.

2.2 Апелляция автора на приговор к наказанию была рассмотрена и отклонена 25 сентября 1995 года. Адвокат автора утверждает, что он не смог найти материалы слушания дела в Апелляционном суде и что он не был в письменном виде ознакомлен с причинами отклонения апелляции.

[...]

3.1 Автор утверждает, что такое наказание, как сечение розгами, является жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство и тем самым идет вразрез с требованиями статьи 7 Пакта.

3.2 Адвокат утверждает, что в Конституции Ямайки 1962 года по-прежнему содержится положение, разрешающее порку и сечение. Соответствующие законодательные положения в отношении порки и сечения закреплены в законе о порядке наказания поркой 1903 года, законе о предотвращении преступлений 1942 года и разделе 4 Уложений и инструкций от 26 января 1965 года. Утверждается, что в отсутствие более подробных норм по сравнению с теми, которые закреплены в Уложениях и инструкциях, применяемая на практике процедура в значительной степени оставлена на усмотрение тюремных органов. В этой связи адвокат ссылается на письменное показание под присягой Е.П. - бывшего узника Кингстонской тюрьмы общего режима на Ямайке.

3.3 В своем письменном показании г-н Е.П. утверждает, что 8 августа 1994 года он признал себя виновным в преднамеренном нанесении телесных повреждений и был приговорен к четырем годам исправительно-трудовых работ и шести ударам розгами. Он должен был выйти из тюрьмы 1 марта 1997 года, после того как срок его заключения был уменьшен на одну треть за хорошее поведение. Накануне освобождения в его камеру вошли свыше 12 тюремных надзирателей, которые увели его в другое отделение тюрьмы. Когда он понял, что его хотят подвергнуть порке, он стал протестовать, и в результате один из сотрудников тюрьмы нанес ему удар в живот. Затем его схватили, завязали ему глаза и приказали снять одежду с нижней части тела. После этого его заставили лечь грудью на бочку, и один из надзирателей вставил его половой орган в прорезь в бочке. Затем его привязали в этом положении и били по ягодицам предметом, который он не мог видеть. Е.П. утверждает, что при его порке присутствовало неоправданно большое число тюремных надзирателей (25), с тем чтобы еще более унижить его. Он утверждает также, что единственным присутствовавшим при этом человеком, не являвшимся сотрудником тюрьмы, был доктор, который даже не осмотрел его после порки.

3.4 Утверждается также, что специфика процедуры наказания поркой на Ямайке, как видно на примере Е.П., в том числе разрыв во времени между вынесением приговора и приведением его в исполнение, усиливающий душевные страдания, большое число и личность свидетелей наказания, унижающие достоинство наказываемого, отсутствие в момент наказания свидетелей, представляющих интересы заключенного, а также унижение его достоинства в результате привязывания его обнаженным к бочке делают процедуру наказания еще более унижительной.

3.5 Адвокат утверждает, что телесные наказания не практиковались на Ямайке в течение 25 лет до 1994 года и что, хотя рост числа серьезных преступлений на Ямайке и выдвигался в качестве оправдания возобновления практики телесных наказаний, эмпирические данные говорят о том, что эта мера не оказала никакого сдерживающего воздействия. Адвокат отмечает далее, что в положении 9 закона о порядке наказания поркой 1903 года говорится, что “ни при каких обстоятельствах наказание поркой не может назначаться женщине”. Он утверждает, что, если бы целью этого положения было предотвращение преступлений, такого исключения сделано бы не было.

Представление государства-участника и замечания по нему адвоката

4.1 В своем представлении от 28 августа 1997 года государство-участник оспаривает приемлемость сообщения на основании пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, утверждая, что автор не исчерпал всех внутренних средств правовой защиты, поскольку он не обращался в Судебный комитет Тайного совета.

4.2 Без ущерба своему ответу в отношении приемлемости государство-участник, касаясь фактов дела, попросту отрицает, что статьи 7 и 10 были

нарушены в результате назначения автору наказания поркой, поскольку соответствующее законодательство, например закон о порядке наказания поркой и закон о предотвращении преступлений, защищается от неконституционности разделом 26 Конституции.

5.1 В своем представлении от 13 ноября 1997 года автор утверждает, что замечания государства-участника являются необоснованными и что его сообщение является приемлемым. В этой связи адвокат указывает на отсутствие материалов рассмотрения дела в Апелляционном суде 25 сентября 1995 года, а также письменных объяснений причин отклонения апелляции. Кроме того, адвокат указывает на то, что автор не обратился в Тайный совет по рекомендации юриста г-на Хью Дэвиса. Г-ну Дэвису было предложено высказать свое мнение в отношении оправданности ходатайства о получении специального разрешения на подачу апелляции в Судебный комитет Тайного совета. В своей рекомендации, копия которой была представлена Комитету, он разъясняет, что конституционность приговора может быть оспорена лишь путем подачи конституционной жалобы в соответствующие ямайские суды, на что у лондонского адвоката не имеется необходимых полномочий. В этих условиях г-н Дэвис сообщил автору, что у него нет разумных оснований рассчитывать на то, что ходатайство о подаче апелляции будет удовлетворено.

5.2 Автор также признает, что подача конституционной жалобы в Верховный суд Ямайки в данном случае также не представлялась возможной. Адвокат утверждает, что отсутствие личных средств и юридической помощи или услуг юристов, которые согласились бы работать бесплатно, не позволяло подать такую жалобу, которая, с учетом сложности Конституции как правового документа, безусловно, требует участия специалистов-юристов, для того чтобы иметь шансы на успех.[...]

[...]

6.1 В своем письме от 6 января 1998 года автор направил новую претензию, согласно которой 13 декабря 1997 года он был жестоко избит тремя надзирателями в Кингстонской тюрьме общего режима.

6.2 Автор утверждает, что 13 декабря 1997 года один из заключенных, напав на автора вместе с тремя другими заключенными, нанес ему удар ножом в спину. Автор сообщил об этом надзирателю и был направлен к капралу, который якобы попросил автора назвать имена нападавших. По словам автора, он назвал имена трех нападавших, у которых капрал изъял два ножа и пестик для колки льда. Затем он начал избивать заключенного, сознавшего в том, что он нанес удар ножом автору. Однако после нескольких минут избиения заключенный якобы стал утверждать, что автор спровоцировал его, напав на него с ножом первым. Хотя, по словам автора, это было неправдой, капрал, тем не менее, начал избивать его. К этому якобы присоединились два других надзирателя, и автора избивали до тех пор, пока он не потерял сознание. Он утверждает,

что помнит, как из его носа и рта текла кровь, и что он очнулся лишь в автомобиле по дороге в Кингстонскую государственную больницу.

[...]

7.2 В своем представлении от 17 мая 1999 года государство-участник препровождает результаты проведенных расследований и отрицает какие-либо нарушения Пакта. Государство-участник признает, что в заключении о нанесении травмы от 13 декабря 1997 года, полученном из исправительного центра для совершеннолетних “Тауэр стрит”, указывается, что один из заключенных нанес удар ножом автору, который был доставлен в тюремный госпиталь для оказания первой помощи, а затем в Кингстонскую государственную больницу, где он находился на излечении до 15 декабря 1997 года. В медицинском заключении [...] говорится, что автор “не терял сознания, не страдал одышкой, его не рвало и он не отхаркивал кровь”. Кроме того, в заключении указывается, что нанесенная ему травма представляла собой ножевое ранение в грудную клетку. Ни о каких травмах, полученных в результате избиения, не сообщается.

[...]

7.4 В заключение, основываясь на результатах расследования, государство-участник утверждает, что должностное лицо (“капрал”) не избивало автора 13 декабря 1997 года. Государство-участник признает, что для того, чтобы проверить, имелся ли у автора нож, на него было оказано силовое воздействие, которое не было ни чрезмерным, ни таким сильным, как утверждает автор. Далее оно указывает на то, что медицинское заключение также доказывает, что чрезмерная сила к автору не применялась, поскольку на его теле не было обнаружено никаких иных телесных повреждений кроме ножевого ранения.

Рассмотрение вопроса о приемлемости и фактов дела по существу

8.1 Прежде чем рассматривать любые жалобы, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека должен, исходя из статьи 87 своих правил процедуры, решить, является ли сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом Пакта.

8.2 Комитет отмечает, что государство-участник оспаривает приемлемость первоначальной жалобы, утверждая, что не все внутренние средства правовой защиты были исчерпаны, поскольку автор не обращался в Судебный комитет Тайного совета. Комитет обращает внимание на свою неизменную позицию, согласно которой для целей пункта 2(b) статьи 5 Факультативного протокола внутренние средства правовой защиты должны быть как эффективными, так и доступными. Что касается имеющейся у автора возможности оспорить законность вынесенного ему приговора, Комитет обращает внимание на утверждение его адвоката о том, что оспорить законность приговора можно лишь подав конституционную жалобу в ямайские суды и что жалоба в Судебный комитет Тайного совета по данному вопросу не имела бы никаких шансов на успех. Комитет от-

мечает также, что в своих замечаниях по вопросу приемлемости государство-участник лишь в одной фразе указывает на возможность обратиться в Тайный совет, ничего не говоря о том, является ли такое средство правовой защиты эффективным и доступным, и никак не комментируя утверждения адвоката на этот счет. В этих условиях Комитет считает, что обращение с жалобой в Судебный комитет Тайного совета для целей пункта 2(b) статьи 5 Факультативного протокола нельзя считать доступным и эффективным средством правовой защиты.

8.3 Что касается имевшейся у автора возможности подать конституционную жалобу, Комитет отмечает, что государство-участник никак не прокомментировало этот вопрос, и, опираясь на сложившуюся правовую практику, считает, что в отсутствие юридической помощи конституционная жалоба в данном случае не может рассматриваться в качестве доступного и эффективного средства правовой защиты. В заключение Комитет считает, что пункт 2(b) статьи 5 Факультативного протокола не запрещает ему рассмотреть первоначальную жалобу.

8.4 Отмечая, что государство-участник не оспаривало приемлемость новой жалобы, Комитет также объявляет эту жалобу приемлемой и в свете информации, представленной ему сторонами, и в соответствии с требованиями пункта 1 статьи 5 Факультативного протокола он приступает к рассмотрению существа признанных приемлемыми жалоб.

9.1 Автор утверждает, что наказание розгами представляет собой жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство наказание и что приговор был вынесен ему в нарушение его прав, закрепленных в статье 7 Пакта. Государство-участник оспаривает жалобу на том основании, что внутреннее законодательство, регулирующее порядок применения телесных наказаний, защищается от неконституционности разделом 26 Конституции Ямайки. Однако Комитет указывает, что конституционность приговора не является достаточным условием выполнения требований Пакта. Допустимость приговора в соответствии с требованиями национального права не означает, что он не противоречит требованиям Пакта. Независимо от характера подлежащего наказанию преступления, каким бы жестоким оно ни было, Комитет твердо убежден в том, что телесные наказания представляют собой жестокий, бесчеловечный и унижающий достоинство вид обращения и наказания, противоречащий статье 7 Пакта. Комитет считает, что, назначив наказание розгами, государство-участник нарушило права автора, закрепленные в статье 7.

9.2 Что касается жалобы автора на то, что 13 декабря 1997 года он был жестоко избит тремя надзирателями Кингстонской тюрьмы общего режима, Комитет отмечает, что в ходе расследования этих утверждений государство-участник установило, что надзиратели оказали на автора лишь такое силовое воздействие, которое было необходимо для того, чтобы убедиться в отсутствии у него ножа. Кроме того, государство-участник представило Комитету копии медицинских отчетов, в которых ничего не говорится о травмах, которые якобы были нанесены автору в результате избития. Основываясь на

имеющихся в его распоряжении материалах, Комитет не усматривает в этом случае никакого нарушения требований Пакта.

10. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные на его рассмотрение факты свидетельствуют о нарушении статьи 7 Международного пакта о гражданских и политических правах.

11. В соответствии с пунктом 3а статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить г-ну Осбурну эффективное средство правовой защиты и предоставить ему компенсацию за это нарушение. Государство-участник обязано также воздерживаться от приведения в исполнение приговора, предусматривающего порку г-на Осбурна. Государству-участнику следует не допускать аналогичных нарушений в будущем посредством отмены законодательных положений, разрешающих телесные наказания.

[...]

7. СООБЩЕНИЕ № 588/1994, ЭРРОЛ ДЖОНСОН ПРОТИВ ЯМАЙКИ

Доклад Комитета по правам человека, том II, GAOR, пятьдесят первая сессия, Дополнение № 40 (A/51/40), сс. 174-190. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 11 января 1994 года

Соображения приняты: 22 марта 1996 года (пятьдесят шестая сессия)

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является Эррол Джонсон, гражданин Ямайки, который на момент представления своего сообщения ожидал смертной казни в окружной тюрьме Св. Екатерины, Ямайка. Он утверждает, что является жертвой нарушения Ямайкой статей 6, 7, пункта 1 статьи 10, пунктов 1, 3 (с) и (g) и 5 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Автор представлен адвокатом. В начале 1995 года преступление, за совершение которого автор был осужден, было квалифицировано как “умышленное убийство, не караемое смертной казнью”, и вынесенный ему смертный приговор был заменен 16 марта 1995 года пожизненным тюремным заключением.

Факты, представленные автором

2.1 15 декабря 1983 года автор вместе с обвиняемым Эрвином Рейнолдсом был осужден за совершение убийства некоего Реджинальда Кемпбелла и приговорен Кларендонским окружным судом к смертной казни. 29 февраля 1988 года Апелляционный суд отклонил его ходатайство о разрешении на подачу апелляции; 14 марта 1988 года было вынесено мотивированное решение по апелляции. 9 июля 1992 года при раздельном слушании дел Судебный комитет Тайного совета отклонил ходатайства автора и г-на Рейнолдса о предоставлении специального разрешения на подачу апелляции.

2.2 31 октября 1982 года около 9 часов утра Реджинальд Кемпбелл, владелец магазина, был обнаружен мертвым в своей лавке. Результаты вскрытия показали, что он скончался от проникающих ранений острым предметом в область шеи. Свидетель обвинения показал, что утром того же дня около 6 часов он видел г-на Кемпбелла в его саду, а также двух мужчин, находившихся поблизости от магазина. В ходе опознания, проведенного 11 ноября 1982 года, этот свидетель опознал г-на Рейнолдса, а не автора, в качестве одного из мужчин, которых он видел поблизости от магазина. Другой свидетель обвинения показал, что в то же утро приблизительно через час он встретил Эрвина Рейнолдса, с которым он был знаком, и автора, которого он опознал в ходе опознания, шедших от магазина Кемпбелла. [...]

2.3 Версия обвинения также основывалась на обнаруженных полицейскими во время обыска в комнатах, где проживали автор и г-н Рейнолдс, уликах [...]. Кроме того, заявление, якобы сделанное г-ном Джонсоном в полиции 12 ноября 1982 года, было принято после предварительного допроса в суде в качестве доказательства; в этом заявлении автор указал, что г-н Рейнолдс вошел в магазин с целью купить сигареты, а он ожидал его на улице. Затем он услышал какой-то шум, вошел в магазин и увидел лежавшего на полу и истекавшего кровью г-на Кемпбелла и стоявшего рядом Рейнолдса с ножом в руке.

2.4 В ходе судебного разбирательства автор и Рейнолдс построили защиту, ссылаясь на алиби. Во время допроса в суде автор под присягой отрицал, что он продиктовал вышеупомянутое заявление полицейским, и утверждал, что его принудили подписать заранее подготовленное заявление. По его словам, после того, как в кабинете следователя он отказался подписывать данное заявление до тех пор, пока с ним не ознакомится его защитник, его отвели в комнату для охранников. В этой комнате следователь, инспектор В., четыре раза ударил его палкой по коленям; когда он упал, его стали бить ногами в живот и нанесли несколько ударов по голове. [...] Во время допроса в суде и в присутствии присяжных следователи были подвергнуты защитой перекрестному допросу в связи с вопросом о жестоком обращении.

2.5 По завершении представления дела обвинением защитник автора, Королевский адвокат, заявил, что в действиях обвиняемого отсутствует состав преступления, поскольку доказательства свидетельствуют лишь о том, что на момент совершения убийства Эррол Джонсон находился поблизости от данного магазина. Судья отклонил аргумент защиты об отсутствии в действиях автора состава преступления.

2.6 В апелляции защитник автора утверждал, что поскольку судья не дал должных наставлений присяжным относительно заявления автора, то присяжные не рассматривали вопрос о возможности вынесения приговора за совершение неумышленного убийства. По мнению защитника, заявление автора свидетельствовало о том, что, хотя он и присутствовал на месте преступления, он не являлся его соучастником. Апелляционный суд отклонил этот аргумент, постановив, что “сделанное автором заявление опровергает его алиби и доказывает его присутствие на месте преступления”.

[...]

2.8 Адвокат отмечает, что автор не обращался с ходатайством в Верховный (Конституционный) суд Ямайки в отношении подачи жалобы на основании конституционных положений, поскольку такая конституционная жалоба не была бы эффективной с учетом прецедентов в практике Судебного комитета [...], по которым он постановил, что положения Конституции Ямайки направлены на предупреждение принятия несправедливых законов, а не только, как утверждают податели ходатайств, несправедливого обращения в соответствии с законом. Кроме того, даже если допустить, что теоретически в распоряжении автора имелась возможность подачи конституционной жалобы, на практике он не смог бы воспользоваться этим средством правовой защиты, поскольку он не имеет средств для найма защитника в частном порядке, а при подаче конституционных жалоб бесплатная правовая помощь не обеспечивается. [...]

Жалоба

3.1 Утверждается, что автор в течение более 10 лет содержался в камере смертников, и если после такой длительной отсрочки он будет казнен, то эта казнь будет равнозначна жестокому и унижающему достоинство обращению или наказанию в нарушение положений статьи 7 Пакта. Обосновывая свое утверждение, адвокат ссылается на заключение Судебного комитета Тайного совета по делу *Пратт и Морган против Генерального прокурора Ямайки* и постановления Верховного суда Зимбабве по одному из рассмотренных недавно дел. Сам факт содержания автора в течение такого длительного периода в камере смертников в ужасных условиях заключения в окружной тюрьме Св. Екатерины, как утверждается, представляет собой нарушение статьи 7.

3.2 Адвокат утверждает, что избиение, которому подвергся его подзащитный в ходе допроса в полиции, представляет собой нарушение статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта. Он напоминает, что автор информировал об этом факте своего адвоката, который поднимал этот вопрос в ходе судебного разбирательства, что автор сам повторял свое утверждение под присягой и в заявлении не под присягой в ходе судебного разбирательства, и что его соответчик подтвердил версию автора. Ссылаясь на практику Комитета [*Келли против Ямайки* (сообщение № 253/1987), сообщения, принятые 8 апреля 1991 года], адвокат утверждает, что следователи оказывали на автора физическое и психологическое давление с целью получения признания вины в нарушение пункта 3(g) статьи 14 Пакта.

3.3 Адвокат далее утверждает, что срок в 51 месяц между судебным разбирательством по делу автора и отклонением его апелляции является нарушением пунктов 3(с) и 5 статьи 14 Пакта [...]. В результате задержки с предоставлением автору протокола судебного разбирательства и мотивированного напутственного слова судьи, как утверждается, автору было фактически отказано в осуществлении права на пересмотр его осуждения и приговора вышестоящей судебной инстанцией согласно закону.

3.4 Утверждается также, что отсутствие адекватного напутствия судьей присяжных по вопросу о том, какие факты по делу могли бы позволить вынести вердикт о неумышленном убийстве, является нарушением пункта 1 статьи 14 Пакта.

3.5 И, наконец, адвокат утверждает, что вынесение смертного приговора по завершении судебного разбирательства, в ходе которого были нарушены положения Пакта, представляет собой нарушение пункта 2 статьи 6 Пакта в том случае, если не обеспечивается возможность дальнейшего обжалования этого приговора.

Информация и замечания, представленные государством-участником, и комментарии по ним адвоката

4.1 В своих замечаниях от 13 февраля 1995 года государство-участник не выдвигает возражений против приемлемости этого сообщения и “в целях ускорения рассмотрения и в духе сотрудничества” представляет замечания по существу дела.

4.2 В отношении утверждения о том, что продолжительный срок, проведенный автором в камере смертников, представляет собой нарушение статьи 7 Пакта, государство-участник утверждает, что постановление Судебного комитета Тайного совета от 2 ноября 1993 года по делу *Пратт и Морган против Генерального прокурора Ямайки* не всегда определяет принимаемые решения по любым другим делам, касающимся случаев содержания узников в камере смертников в течение более пяти лет. Напротив, каждое дело необходимо рассматривать по существу. В обоснование своего аргумента государство-участник ссылается на соображения Комитета по делу *Пратта и Моргана*, в которых он заявил, что сами по себе задержки в рамках судопроизводства не представляют собой жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение по смыслу статьи 7.

[...]

4.5 Государство-участник отрицает, что имело место нарушение пункта 1 статьи 14 Пакта в связи с неадекватностью наставлений судьи присяжным и заявляет, что это утверждение касается вопросов оценки фактов и доказательств по делу, которые, согласно практике Комитета, в целом не относятся к сфере его компетенции. Без представления каких-либо аргументов государство-участник также отрицает, что имело место нарушение пункта 2 статьи 6 Пакта.

[...]

5.2 [...] [А]двокат утверждает, что в связи с приведением в исполнение любого приговора по прошествии более пяти лет после осуждения несомненно возник бы вопрос об упомянутых Судебным комитетом [Тайного Совета] “серьезных основаниях”, позволяющих считать, что такая отсрочка являлась бы бесчеловечным и унижающим достоинство обращением и наказанием. Он

утверждает, что в соответствии с руководящими положениями, разработанными Судебным комитетом, по прошествии трех с половиной - пяти лет после осуждения на основе оценки обстоятельств каждого дела с учетом продолжительности отсрочки, условий тюремного заключения и возраста и психического состояния заявителя мог бы быть сделан вывод о бесчеловечном или унижающем достоинство обращении. Он также утверждает, что само по себе заключение в камере смертников в течение более пяти лет является жестоким и унижающим достоинство обращением.

Соображения по вопросу о приемлемости и рассмотрении вопросов по существу дела

6.1 До рассмотрения любых жалоб, содержащихся в каком-либо сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры решить, является ли дело приемлемым или неприемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Комитет удостоверился, как того требуют положения пункта 2(а) статьи 5 Факультативного протокола, что этот вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Комитет отмечает, что, ввиду отклонения Судебным комитетом Тайного совета в июле 1992 года ходатайства автора о специальном разрешении на подачу апелляции, автор исчерпал внутренние средства правовой защиты по смыслу Факультативного протокола. В этой связи Комитет принимает к сведению, что государство-участник не выдвинуло никаких возражений против приемлемости настоящей жалобы и представило свои комментарии по вопросам существа с целью ускорения процедуры рассмотрения. Комитет напоминает, что в пункте 2 статьи 4 Факультативного протокола предусматривается, что получившее уведомление государство представляет свои письменные замечания по существу сообщения в течение шести месяцев с даты препровождения ему этого сообщения. Комитет повторяет, что в интересах правосудия и если государство-участник этого желает, указанный срок может быть сокращен. Комитет также отмечает, что на нынешнем этапе адвокат согласен с рассмотрением дела по существу.

7. В этой связи Комитет постановляет, что данное сообщение является приемлемым, и приступает без дальнейших отсрочек к рассмотрению существа утверждений автора с учетом всей информации, представленной ему сторонами, в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.1 Комитету, прежде всего, надлежит установить, является ли продолжительный срок содержания автора в камере смертников с декабря 1983 года, т.е. более 11 лет, нарушением статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта. Адвокат заявляет о нарушении этих статей, лишь ссылаясь на продолжительность заключения г-на Джонсона в камере смертников в окружной тюрьме Св. Екатерины. Хотя срок содержания в камере смертников, превышающий 11 лет, не-

сомненно, вызывает серьезную обеспокоенность, согласно практике Комитета содержание под стражей в течение определенного периода времени не представляет собой нарушение статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта при отсутствии некоторых дополнительных исключительных обстоятельств. Комитет осознает, что его практика вызывает противоречивые толкования и желает подробно разъяснить свою позицию.

8.2 В этой связи необходимо установить, может ли сам по себе срок содержания осужденного лица в камере смертников являться нарушением государством-участником предусмотренных в статьях 7 и 10 обязательств не применять жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание и обращаться со всеми лицами гуманно. При выяснении этого вопроса необходимо принимать во внимание следующие факторы:

а) Пакт не запрещает смертную казнь, хотя он предусматривает строгие ограничения в отношении ее применения. Поскольку содержание под стражей в камере смертников является необходимым следствием вынесения смертного приговора, то такое содержание, каким бы жестоким, унижающим достоинство или бесчеловечным оно не представлялось, само по себе не может рассматриваться как нарушение статей 7 и 10 Пакта.

б) Хотя Пакт не запрещает смертную казнь, точка зрения Комитета, которая отражена во втором Факультативном протоколе к Пакту, заключается в том, что формулировки статьи 6, “касающиеся отмены смертной казни, являются веским указанием на желательность отмены”. Сокращение числа случаев применения смертной казни может таким образом рассматриваться в качестве одной из целей Пакта.

в) Положения Пакта необходимо толковать с учетом объекта и целей Пакта (статья 31 Венской конвенции о праве международных договоров). Поскольку одной из этих целей является содействие сокращению числа случаев применения смертной казни, по возможности следует избегать такого толкования положений Пакта, которое может побудить государства-участники, сохранившие смертную казнь, к приведению смертного приговора в исполнение.

8.3 С учетом этих факторов необходимо рассмотреть последствия утверждения о том, что сам по себе срок содержания в камере смертников представляет собой нарушение статей 7 и 10. Первое и наиболее серьезное последствие заключается в том, что если государство-участник приводит в исполнение вынесенный осужденному смертный приговор после того, как он провел определенное время в камере смертников, то это не будет являться нарушением его обязательств по Пакту, а если государство-участник не применяет эту меру наказания, то оно нарушит положения Пакта. Приводящее к такому выводу толкование положений Пакта не может соответствовать объекту и целям Пакта. Вышеуказанного последствия невозможно избежать путем отказа от установления определенного срока содержания в камере смертников, по истечении которого такое содержание будет равнозначно жестокому и бесчеловечному наказанию. Точное определение срока, несомненно, усугубляет эту проблему и устанавливает для государ-

ства-участника четкие временные рамки для казни того или иного лица с тем, чтобы не допускать нарушений своих обязательств по Пакту. Вместе с тем указанное последствие является результатом не установления максимально допустимого срока содержания в камере смертников, а превращения временного фактора *per se* в определяющий. Если максимально допустимый срок не ограничивается, то это будет побуждать государства-участники, стремящиеся не допускать превышения установленного срока, обращаться к принятым Комитетом решениям по рассмотренным ранее делам, с тем чтобы установить, какой срок содержания в камере смертников Комитет ранее признавал допустимым.

8.4 Второе последствие превращения временного фактора *per se* в решающий, т.е. в фактор, позволяющий рассматривать содержание в камере смертников как нарушение Пакта, заключается в том, что для государств-участников, сохранивших смертную казнь, он означает, что им следует приводить в исполнение смертный приговор как можно скорее после его вынесения. Это идет вразрез с идеями, которые Комитет хотел бы донести до государств-участников. Заключение в камере смертников, каким бы тяжелым оно не являлось, предпочтительнее смерти. Кроме того, практика показывает, что задержки в приведении в исполнение смертного приговора могут быть вызваны несколькими факторами, ответственность за многие из которых может быть возложена на государство-участника. В отдельных случаях, когда рассматривается вопрос о применении смертной казни в целом, вводится мораторий на приведение в исполнение смертных приговоров. В других случаях исполнительные органы государства откладывают приведение в исполнение смертных приговоров, несмотря на то, что с учетом политической обстановки отмена смертной казни является нецелесообразной. Комитет хотел бы избежать практики, ослабляющей влияние факторов, которые могут весьма эффективно привести к фактическому сокращению числа казненных узников. Следует подчеркнуть, что, принимая точку зрения, согласно которой длительный срок содержания в камере смертников сам по себе не может рассматриваться на основании положений Пакта в качестве жестокого и бесчеловечного обращения или наказания, Комитет не желает создавать впечатление, что содержание осужденных узников в камере смертников в течение многих лет является приемлемым обращением с ними. Оно таковым не является. Однако жестокость такого явления, как содержание в камере смертников, прежде всего и в основном является следствием допустимости в соответствии с Пактом применения смертной казни. Такая ситуация приводит к нежелательным последствиям.

8.5 И, наконец, утверждение о том, что длительный срок содержания в камере смертников сам по себе не является нарушением статей 7 и 10 Пакта, не означает, что другие обстоятельства, связанные с таким содержанием, не могут превратить его в жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение или наказание. Практика Комитета показывает, что, когда подтверждаются тяжелые условия такого содержания под стражей, оно может представлять собой нарушение положений Пакта. При рассмотрении дел в будущем этот подход следует сохранять.

8.6 В данном деле ни автор, ни его адвокат не указали никаких исключительных обстоятельств, помимо срока содержания под стражей в камере смертников, которые означали бы, что содержание под стражей г-на Джонсона представляет собой нарушение статей 7 и 10. Поэтому Комитет не устанавливает никакого нарушения этих положений.

8.7 В отношении жалобы на основании статьи 7 и пункта 3(g) статьи 14 Пакта относительно того, что полицейские подвергли автора избиению во время допроса с целью вынудить его признать себя виновным, Комитет повторяет, что формулировка пункта 3(g) статьи 14, согласно которой никто не может “быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или признанию себя виновным”, должна пониматься как отсутствие любого прямого или косвенного физического и психологического давления со стороны сотрудников следственных органов на обвиняемого в целях добиться признания вины. Хотя утверждение автора не было опровергнуто государством-участником, которое обещало провести расследование по факту жалобы, но не представило Комитету свои выводы, Комитет отмечает, что данное утверждение автора было оспорено обвинением в ходе судебного разбирательства и противоречит его заявлению о признании своей вины, которое было принято судьей. Комитет напоминает, что он обязан рассматривать утверждения о нарушении положений Пакта с учетом всех письменных данных, представленных ему сторонами (пункт 1 статьи 5 Факультативного протокола); в данном деле эти материалы включают протокол судебного разбирательства. Последний свидетельствует о том, что данное утверждение автора было тщательно рассмотрено судом в ходе допроса, что этому вопросу посвящено 28 страниц протокола судебного разбирательства и что после тщательного изучения доказательств заявление автора было впоследствии принято судьей; аналогичным образом присяжные заключили, что заявление было сделано без принуждения, тем самым подтвердив решение судьи о том, что автор не подвергался жестокому обращению. В деле не имеется никаких элементов, позволяющих Комитету поставить под сомнение решение судьи и присяжных. Следует также отметить, что в апелляции адвокат автора признал добровольный характер заявления г-на Джонсона и использовал его с целью добиться изменения квалификации выдвинутого против его подзащитного обвинения с умышленного убийства на неумышленное убийство. С учетом вышеизложенного Комитет считает, что положения статьи 7 и пункта 3(g) статьи 14 нарушены не были.

8.8 Автор заявляет о нарушении пунктов 3(c) и 5 статьи 14 Пакта в связи с тем, что срок в 51 месяц между его осуждением и отклонением его апелляции был необоснованно длительным. Государство-участник обещало провести расследование относительно причин этой задержки, однако не представило Комитету свои заключения. В частности, оно не представило никакой информации, свидетельствующей о том, что эта задержка произошла по вине автора или его защитника. Вместе с тем адвокат автора представил информацию, свидетельствующую о том, что автор принимал активные меры с целью обжалования и что ответственность за задержку в рассмотрении этой апелляции должна быть возложена на государство-участника. Комитет счи-

тает, что задержка в четыре года и три месяца слушания апелляции по делу о преступлении, караемом смертной казнью, при отсутствии исключительных обстоятельств, является необоснованно длительной и несовместимой с пунктом 3 (с) статьи 14 Пакта. Никаких исключительных обстоятельств, которые оправдали бы такую задержку, в данном деле установлено не было. Следовательно, положения пунктов 3(с) и 5 статьи 14 были нарушены, поскольку несвоевременное представление автору протокола судебного разбирательства не позволило оперативно рассмотреть его апелляционную жалобу.

8.9 Комитет повторяет, что вынесение смертного приговора по окончании судебного разбирательства, в ходе которого положения Пакта не соблюдались, при отсутствии возможности обжалования путем подачи апелляции, представляет собой нарушение статьи 6 Пакта. Как отметил Комитет в своем Замечании общего порядка № 6 (16), положение, предусматривающее, что смертный приговор может быть вынесен только в соответствии с законом, который не противоречит положениям Пакта, означает, что “предусмотренные в нем гарантии процедурного характера должны соблюдаться...”. Поскольку в рассматриваемом деле при вынесении окончательного приговора к смертной казни судом не были соблюдены предусмотренные статьей 14 требования относительно справедливого судебного разбирательства, надлежит сделать вывод о том, что право, закрепленное статьей 6 Пакта, было нарушено.

9. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что факты, которыми он располагает, свидетельствуют о нарушении пунктов 3(с) и 5 статьи 14 и соответственно статьи 6 Пакта.

10. В соответствии с пунктом 3(а) статьи 2 Пакта автор имеет право на эффективное средство правовой защиты. Принимая во внимание смягчение 16 марта 1995 года вынесенного автору смертного приговора, Комитет считает целесообразным принятие какой-либо дополнительной меры снисхождения. Государство-участник обязано обеспечить, чтобы подобные нарушения не имели места в будущем.

[...]

Примечание редактора: В общей сложности шесть членов Комитета представили особые мнения (г-жа Шане, г-н Агилар Урбина, а также г-н Бхагвати совместно с г-ном Бруни Челли, г-ном Покарром и г-ном Прадо Вальехо). Вместо поддержания предыдущей судебной практики Комитета о том, что содержание под стражей в камере смертников само по себе не является нарушением статьи 7, они предложили, чтобы для оценки поведения государства в отношении статей 7 и 10 Комитет подробно изучал обстоятельства каждого дела. Государство должно представить ему доказательства того, что в отношении лиц, содержащихся в камерах смертников, соблюдаются определенные гарантии. К таким гарантиям относится человеческое обращение, справедливое судебное разбирательство, доступ к средствам правовой защиты, а также разумные сроки для применения средств правовой защиты и их пересмотра судами. Принимая решение, Комитет должен обращать внимание на законодательство и действия государства, а также на условия содержания и поведение осужденного лица.

8. СООБЩЕНИЕ № 469/1991, ЧАРЛЗ ЧИТАТ НГ ПРОТИВ КАНАДЫ

Доклад Комитета по правам человека, том II, GAOR, сорок девятая сессия, Дополнение № 40 (A/49/40), сс. 189-220. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 25 сентября 1991 года

Соображения приняты: 5 ноября 1993 года (сорок девятая сессия)

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

Факты, представленные автором

1. Автором сообщения является британский подданный Чарлз Читат Нг, родившийся 24 декабря 1960 года в Гонконге и проживающий в Соединенных Штатах Америки, который в момент представления сообщения находился в пенитенциарном учреждении в Альберте, Канада и 26 сентября 1991 года был выдан Соединенным Штатам. Он утверждает, что, выдав его, Канада нарушила его права человека. Он представлен адвокатом.

2.1 Автор был арестован, предан суду и осужден в 1985 году в Калгари, Альберта, за попытку ограбления магазина и применение огнестрельного оружия против охранника. В феврале 1987 года Соединенные Штаты пригласили официальный запрос о выдаче автора для предания его суду в Калифорнии по обвинительному акту из 19 пунктов, в том числе пунктов, инкриминирующих похищение и 12 убийств, совершенных в 1984 и 1985 годах. Если автор будет осужден, то ему может грозить смертная казнь.

2.2 В ноябре 1988 года судья Суда королевской скамьи Альберты вынес постановление о выдаче автора. В феврале 1989 года ходатайство автора на основании хабеас корпус было отклонено, и 31 августа 1989 года Верховный суд Канады отказал автору в разрешении на подачу апелляции.

2.3 В статье 6 Договора о выдаче между Канадой и Соединенными Штатами предусматривается следующее: “Если преступление, в связи с которым требуется выдача, наказывается смертной казнью в соответствии с законами запрашивающего государства, а законы государства, к которому обращается запрос, не предусматривают такого наказания за это преступление, в выдаче может быть отказано, если только запрашивающее государство не представит достаточные, по мнению запрашивающего государства, гарантии того, что смертный приговор не будет вынесен или, в случае его вынесения, не будет приведен в исполнение”.

Смертная казнь была отменена в Канаде в 1976 году, за исключением смертной казни за некоторые воинские преступления.

2.4 Полномочия, связанные с запросом гарантий того, что смертный приговор не будет вынесен, носят дискреционный характер, и ими наделен министр юстиции согласно статье 25 Закона о выдаче. В октябре 1989 года министр юстиции решил не запрашивать таких гарантий.

2.5 Впоследствии автор подал ходатайство о пересмотре решения министра в федеральный суд. 8 июня 1990 года это дело было передано на рассмотрение Верховного суда Канады, который вынес решение 26 сентября 1991 года. Суд пришел к выводу, что выдача автора без запроса о гарантиях относительно смертной казни не противоречит конституционной защите прав человека в Канаде и нормам, принятым в международном сообществе. В тот же день автор сообщения был выдан.

Существо жалобы

3. Автор утверждает, что решение о его выдаче нарушает статьи 6, 7, 9, 10, 14 и 26 Пакта. Он утверждает, что сама по себе смертная казнь с применением удушающего газа, предусмотренная законом штата Калифорния, представляет собой жестокое и бесчеловечное обращение и наказание и что условия пребывания в камере смертников являются жестокими, бесчеловечными и унижающими достоинство. Он далее утверждает, что судебные процедуры в Калифорнии в той части, в которой они конкретно относятся к смертной казни, не отвечают основным требованиям правосудия. В этом контексте автор утверждает, что в Соединенных Штатах расовые предрассудки оказывают влияние на вынесение смертного приговора.

Первоначальные замечания государства-участника и комментарии автора по ним

4.1 Государство-участник утверждает, что данное сообщение является неприемлемым *ratione personae, loci et materiae*.

4.2 Утверждается, что автора нельзя рассматривать в качестве жертвы по смыслу Факультативного протокола, поскольку его утверждения основываются на предположениях относительно возможных событий в будущем, которые могут не произойти и которые зависят от закона и действий властей Соединенных Штатов. [...]

4.3 Государство-участник указывает, что утверждения автора касаются уголовного права и судебной системы другой страны, а не Канады. [...] Государство-участник считает, что Пакт не налагает ответственности на государство за события, на которые не распространяется его юрисдикция.

4.4 Кроме того, утверждается, что это сообщение должно быть признано неприемлемым как противоречащее положениям Пакта, поскольку в Пакте не предусматривается право не подвергаться выдаче. [...] Оно далее утверждает, что даже если можно было бы доказать, что в исключительных обстоятельствах выдача подпадает под сферу защиты Пакта, то в настоящем деле эти обстоятельства отсутствуют.

4.5 Государство-участник далее ссылается на Типовой договор Организации Объединенных Наций о выдаче, который четко предусматривает возможность безоговорочной выдачи, обеспечивая дискреционные полномочия, касающиеся гарантий в отношении смертной казни, аналогично тому,

как это предусмотрено в статье 6 Договора о выдаче между Канадой и Соединенными Штатами. В заключение государство-участник отмечает, что вмешательство в процесс выдачи скрывающегося от правосудия лица согласно законным требованиям партнера по договору подорвало бы принципы и цели договоров о выдаче и повлекло бы за собой нежелательные последствия для государств, отказывающихся в этих законных просьбах. В этом контексте государство-участник указывает, что, имея значительную по протяженности неохраняемую границу с Соединенными Штатами, оно может стать привлекательным убежищем для лиц, скрывающихся от властей Соединенных Штатов. Если бы указанных скрывающихся от правосудия лиц нельзя было выдавать из-за теоретической возможности применения к ним смертной казни, то они вообще не поддавались бы перемещению, оставались бы в стране безнаказанными, угрожая безопасности и спокойствию населения.

4.6 И, наконец, государство-участник отмечает, что автор сообщения не подкрепил доказательствами свои утверждения о том, что обращение, которому он может подвергнуться в Соединенных Штатах, будет нарушать его права по Пакту. В этой связи государство-участник указывает, что вынесение смертного приговора не является само по себе незаконным согласно Пакту. Что касается периода между вынесением смертного приговора и приведением его в исполнение, то государство-участник сообщает, что ему непонятно, как период нахождения под стражей, в течение которого осужденный заключенный использует все возможности апелляционного разбирательства, может рассматриваться как нарушение Пакта.

5.1 В своих комментариях относительно представления государства-участника адвокат автора утверждает, что автор в действительности лично пострадал и продолжает страдать от решения государства-участника о его выдаче и что поэтому сообщение является приемлемым *ratione personae*. [...]

5.2 Адвокат далее утверждает, что, поскольку обжалуемое решение вынесено канадскими властями в тот период, когда автор находился под юрисдикцией Канады, сообщение является приемлемым *ratione loci*. [...]

5.3 В заключение адвокат подчеркивает, что автор не претендует на право не подвергаться выдаче; он утверждает лишь то, что он не должен подвергаться выдаче при отсутствии гарантий того, что он не будет приговорен к смертной казни. Поэтому он считает, что его сообщение соответствует положениям Пакта. [...]

Соображения и решение Комитета о приемлемости

6.1 На своей сорок шестой сессии в октябре 1992 года Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости данного сообщения. Он отметил, что, хотя выдача как таковая не входит в сферу действия Пакта, тем не менее, то или иное государство-участник может нести определенные обязательства в отношении этого вопроса, который не входит в сферу действия Пакта, в своего рода

опосредствованной форме на основании других положений Пакта. Комитет отметил, что автор не утверждает, что выдача как таковая нарушает Пакт, он скорее заявляет о том, что конкретные обстоятельства, имеющие отношение к последствиям его выдачи, поставят вопросы, которые будут подпадать под конкретные положения Пакта. Таким образом, Комитет заключил, что данное сообщение нельзя исключить на основе принципа *ratione materiae*.

6.2 Комитет рассмотрел утверждение государства-участника о том, что данное сообщение является неприемлемым *ratione loci*. Статья 2 Пакта требует от государств-участников гарантировать права лиц, находящихся под их юрисдикцией. Если какое-либо лицо в законном порядке высылается или выдается, то соответствующее государство-участник, как правило, не несет ответственности согласно Пакту за какие-либо нарушения прав этого лица, которые, возможно, имели место впоследствии в другом государстве. В этом смысле от государства-участника, несомненно, не требуется гарантировать права лиц, находящихся под юрисдикцией другого государства. Однако если государство-участник принимает решение, касающееся лица, находящегося под его юрисдикцией, и неизбежное и предсказуемое последствие этого решения заключается в том, что права данного лица будут нарушены в другом государстве, то само государство-участник может в этом случае нарушить положения Пакта. Это вытекает из того обстоятельства, что обязанности государства-участника согласно статье 2 Пакта будет противоречить выдача какого-либо лица другому государству (независимо от того, является оно государством-участником Пакта или нет), в котором обращение с этим лицом, противоречащее Пакту, является очевидным или представляет собой саму цель его выдачи. Например, государство-участник само нарушит Пакт, если оно выдаст какое-либо лицо другому государству при таких обстоятельствах, когда вполне можно предвидеть, что оно будет подвергнуто пыткам. Предсказуемость такого последствия означала бы, что государство-участник совершает нарушение, даже если это последствие возникнет позднее.

6.3 Таким образом, Комитет счел, что он в принципе компетентен рассматривать вопрос о том, нарушает ли государство-участник положения Пакта в связи с принятым им решением выдать автора в соответствии с Договором о выдаче, заключенным между Соединенными Штатами и Канадой в 1976 году, и Законом о выдаче 1985 года.

6.4 Комитет отметил, что в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола он может принимать и рассматривать только сообщения от лиц, которые находятся под юрисдикцией государства-участника Пакта и Факультативного протокола и “которые утверждают, что они являются жертвами нарушения данным государством-участником какого-либо из прав, изложенных в Пакте”. Комитет выразил мнение, что в данном случае только путем рассмотрения существа обстоятельств, при которых была использована процедура выдачи, и всех их последствий, Комитет сможет определить, является ли автор жертвой по смыслу статьи 1 Факультативного протокола. Соответ-

ственно, Комитет пришел к выводу о целесообразности одновременного рассмотрения приемлемости и существа сообщения.

7. В этой связи 28 октября 1992 года Комитет по правам человека постановил рассмотреть вопрос о том, является ли автор жертвой по смыслу статьи 1 Факультативного протокола, и существо дела одновременно. Комитет выразил свое сожаление по поводу того, что государство-участник не выполнило просьбу Комитета согласно правилу 86 об отсрочке выдачи автора.

Последующее представление государства-участника по вопросу о приемлемости и существа сообщения

[...]

8.5 В отношении выдачи преступников, которым грозит смертная казнь, министр юстиции на основе изучения конкретных обстоятельств каждого дела принимает решение о целесообразности запросить гарантии неприменения или неприведения в исполнение смертной казни. В договоре о выдаче между Канадой и Соединенными Штатами не предусматривается регулярный порядок запрашивания гарантий; скорее, гарантии запрашиваются лишь в случаях, когда конкретные обстоятельства дела требуют специального применения дискреционных полномочий.

8.6 В связи с отменой смертной казни в Канаде государство-участник отмечает, что:

“... значительное число государств - членов международного сообщества, включая Соединенные Штаты, продолжают применять смертную казнь. Правительство Канады не использует выдачу преступников в качестве средства навязывания другим государствам своих принципов политики в области уголовного права. Запрашивая гарантии на регулярной основе при отсутствии исключительных обстоятельств, Канада, таким образом, указывала бы запрашивающему государству, в данном случае Соединенным Штатам, как им следует наказывать уголовных правонарушителей. Правительство Канады считает это неоправданным вмешательством во внутренние дела другого государства. Правительство Канады оставляет за собой право... отказать в выдаче преступника без получения гарантий. Этим правом оно готово воспользоваться лишь в исключительных обстоятельствах. По мнению правительства Канады, одним из исключительных обстоятельств, на основании которых могут быть специально запрошены гарантии, предусмотренные в статье 6, может стать доказательство того, что лицо, скрывающееся от правосудия, станет жертвой неизбежных или предсказуемых нарушений Пакта. Однако при рассмотрении в Канаде вопроса о выдаче г-на Нг [...] не было представлено [...] доказательств в поддержку утверждений о том, что применение смертной казни в Соединенных Штатах в целом, или в штате Калифорния в частности, нарушает положения Пакта”.

[...]

9.1 В связи с делом г-на Нг государство-участник напоминает, что он обжаловал решение о заключении под стражу в соответствии с вышеописанной процедурой выдачи и что его адвокат сделал письменные и устные представления министру с целью добиться гарантий неприменения смертной казни. [...] Верховный суд рассмотрел дело г-на Нг [...] и постановил, что [...] выдача без гарантий не будет нарушением обязательств Канады в области прав человека.

[...]

9.3 Государство-участник далее заявляет, что г-н Нг не представил каких-либо доказательств в подтверждение того, что в Канаде он стал жертвой какого-либо нарушения прав, закрепленных в Пакте. В этой связи государство-участник отмечает, что автор лишь утверждает, что его выдача Соединенным Штатам Америки является нарушением Пакта, поскольку в США ему предъявляются обвинения, которые, в случае признания его виновным, могут стать основой для вынесения ему смертного приговора. Государство-участник заявляет, что оно удостоверилось в том, что предполагаемое обращение с г-ном Нг в Соединенных Штатах Америки не будет нарушать его права, предусмотренные в Пакте.

10.1 Что касается существа дела, то государство-участник подчеркивает, что г-н Нг полностью использовал свое право высказаться по всем вопросам, касающимся его выдачи в страну, где ему грозит смертная казнь. [...]

[...] [П]оскольку суд над г-ном Нг еще не начался, нет достаточных оснований предполагать, что он действительно будет казнен или будет содержаться в условиях заключения, которые будут нарушать права, предусмотренные в Пакте. Государство-участник указывает, что в случае осуждения и вынесения смертного приговора г-н Нг имеет право воспользоваться в Соединенных Штатах многочисленными средствами обжалования приговора и что он может просить о его смягчении; кроме того, он имеет право обжаловать в судах Соединенных Штатов условия его содержания в период рассмотрения его апелляций в отношении смертного приговора.

10.2 Относительно применения смертной казни в Соединенных Штатах государство-участник напоминает, что в статье 6 Пакта не запрещается смертная казнь согласно международному праву:

“[...] Канада, возможно, нарушила бы Пакт, если бы она выслала лицо, которому грозит смертная казнь, когда имелись бы достаточные основания предполагать, что в запрашивающем государстве будет вынесен смертный приговор в обстоятельствах, нарушающих статью 6. Так, государство нарушило бы положения Пакта, выдавая лицо, скрывающееся от правосудия, государству, которое применяет смертную казнь не за самые тяжкие преступления или за действия, не противоречащие законодательству, действующему в момент совершения этих действий, или которое применяет это наказание при отсутствии окончательного решения компетентного суда или вопреки такому решению. В данном же случае дело обстоит иначе ... Г-н Нг не представил каких-либо доказательств в судах Канады, министру юстиции или

Комитету, которые бы давали основания утверждать, что Соединенные Штаты нарушают строгие критерии, установленные в статье 6, когда они требуют его выдачи от Канады ... Правительство Канады в лице министра юстиции было уверено в момент принятия решения о выдаче, что, если г-н Нг будет осужден и казнен в штате Калифорния, это будет сделано в соответствии с положениями, прямо предусмотренными в статье 6 Пакта.

[...]

10.4 Относительно вопроса о том, нарушает ли смертная казнь статью 7 Пакта, государство-участник утверждает:

“[...] Положения Пакта следует понимать в их совокупности, а статьи Пакта - в неразрывной связи ... Возможно, некоторые формы казни противоречат статье 7. Применение к лицу пыток, в результате чего наступает его смерть, по всей видимости, подпадает под эту категорию, поскольку пытки являются нарушением статьи 7. Другие формы казни могут нарушать положения Пакта, поскольку они являются жестокими, бесчеловечными или унижающими достоинство. Однако поскольку применение смертной казни разрешено в рамках узких критериев, установленных в статье 6, должны существовать определенные способы казни, которые не нарушают положений статьи 7”

10.5 Касаясь способа приведения смертного приговора в исполнение, государство-участник утверждает, что нет оснований считать, что применяемый в Калифорнии способ - удушение цианистым газом - противоречит положениям Пакта и международного права. Оно далее заявляет, что в деле г-на Нг отсутствуют какие-либо особые обстоятельства, которые могут привести к иному выводу относительно применения к нему этого способа [...].

10.6 Относительно “синдрома камеры смертников” государство-участник утверждает, что следует изучать конкретные обстоятельства каждого случая, включая условия содержания заключенного в камере смертников, возраст, умственное и физическое состояние находящегося в этих условиях заключенного, разумно прогнозируемую продолжительность содержания заключенного в этих условиях, причины такой продолжительности и возможности, если таковые существуют, изменения таких неприемлемых условий. Сообщается, что министр юстиции и суды Канады рассмотрели и проанализировали всю информацию, представленную г-ном Нг относительно условий тюремного заключения лиц, приговоренных в Калифорнии к смертной казни:

“Министра юстиции ... не убедил довод о том, что условия тюремного заключения в штате Калифорния, если их рассматривать с учетом конкретных обстоятельств дела г-на Нг, фактора отсрочки и постоянного доступа к судам в штате Калифорния и к Верховному суду Соединенных Штатов Америки, будут нарушать права г-на Нг, вытекающие из Канадской хартии прав и свобод или Пакта. Верховный суд Канады поддержал решение министра, однозначно заявив, что это решение не приведет к нарушению прав г-на Нг, предусмотренных в Канадской хартии прав и свобод”.

[...]

11.9 Адвокат ссылается на несколько резолюций, принятых Генеральной Ассамблеей, в которых отмена смертной казни считается желательной. Он далее ссылается на Протокол 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и на второй Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах: “[В] течение последних 50 лет тенденция к отмене смертной казни постепенно усиливается. В результате такой эволюции почти все демократические страны Запада отменили смертную казнь”. Он утверждает, что этот фактор следует учитывать при толковании положений Пакта.

11.10 Касаясь применяемого в Калифорнии способа казни - удушения цианистым газом, адвокат заявляет, что этот способ представляет собой бесчеловечное и унижающее достоинство наказание по смыслу статьи 7 Пакта. Он отмечает, что удушение может занять до 12 минут, в течение которых осужденные лица сохраняют сознание, испытывают ужасную боль и агонию, бредят, бьются в конвульсиях и зачастую испражняются под себя [...]. Адвокат далее утверждает, что с учетом жестокого характера этого способа казни решение Канады о невыдаче без предоставления гарантий не стало бы нарушением ее договорных обязательств по отношению к Соединенным Штатам Америки или неприемлемым вмешательством в процесс применения внутригосударственного законодательства США. [...]

[...]

14.1 До изучения существа данного сообщения Комитет отмечает, что вопрос состоит не в том, были ли или могут ли быть нарушены права г-на Нг Соединенными Штатами Америки, которые не являются участником Факультативного протокола, а в том, не подвергает ли Канада г-на Нг, выдавая его Соединенным Штатам, реальной опасности нарушения его прав, провозглашенных в Пакте. Государства-участники Пакта часто являются также участниками различных двусторонних соглашений, в том числе договоров о выдаче. Государство-участник Пакта должно обеспечить выполнение всех своих других правовых обязательств в соответствии с положениями Пакта. Отправной точкой при рассмотрении данного вопроса должно быть обязательство государства-участника, предусмотренное в пункте 1 статьи 2 Пакта, обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте. Самым важным из этих прав является право на жизнь.

14.2 Если государство-участник выдает лицо, находящееся под его юрисдикцией, в обстоятельствах, приводящих к реальной опасности нарушения его прав по Пакту в другом государстве, то само государство-участник может рассматриваться как нарушающее положения Пакта.

[...]

16.1 Определяя, является ли в каком-либо конкретном случае вынесение смертного приговора нарушением статьи 7, Комитет должен учесть соответствующее

ющие личные факторы, касающиеся автора, конкретных условий содержания в камере смертников, а также то, является ли предполагаемый способ казни крайне жестоким. В данном случае утверждается, что удушение газом противоречит принятым на международном уровне нормам гуманного обращения и что такой способ казни равнозначен обращению, нарушающему положения статьи 7 Пакта. Комитет, прежде всего, отмечает, что, хотя пункт 2 статьи 6 и не запрещает вынесение смертного приговора в некоторых ограниченных случаях, любой метод казни, предусмотренный законом, должен назначаться таким образом, чтобы избежать нарушения статьи 7.

16.2 Комитет сознает, что любое приведение смертного приговора в исполнение может по определению рассматриваться как жестокое и бесчеловечное обращение по смыслу статьи 7 Пакта; с другой стороны, пункт 2 статьи 6 позволяет выносить смертные приговоры за совершение самых тяжких преступлений. Тем не менее, Комитет подтверждает, что, как он уже отмечал в своем Замечании общего порядка 20 (44) по статье 7 Пакта, в случае приведения смертного приговора в исполнение эта процедура “должна осуществляться таким образом, чтобы причинять как можно меньше физических и психических страданий”.

16.3 В рассматриваемом случае автор представил подробную информацию о том, что удушение газом может вызвать продолжительные страдания и агонию и не обеспечивает максимально быстрого умерщвления, поскольку удушение цианистым газом может занять более 10 минут. Государство-участник имело возможность документально опровергнуть эти утверждения, но оно этого не сделало. Напротив, государство-участник ограничилось заявлением о том, что в отсутствие какой-либо нормы международного права, четко запрещающей удушение цианистым газом, “оно незаконным образом вмешалось бы в практику применения внутригосударственного законодательства Соединенных Штатов Америки, если бы оно отказалось выдать лицо, которое скрывается от правосудия, и возможной мерой наказания которого будет смертная казнь посредством удушения цианистым газом”.

16.4 В рассматриваемом случае Комитет, основываясь на представленной ему информации, делает вывод о том, что смертная казнь посредством удушения газом, если автору будет вынесен смертный приговор, нарушала бы положение о необходимости причинять “как можно меньше физических и психических страданий” и является жестоким и бесчеловечным наказанием, которое представляет собой нарушение статьи 7 Пакта. Поэтому Канада, которая могла бы обоснованно предположить, что г-н Нг, в случае вынесения ему смертного приговора, будет казнен таким способом, который является нарушением статьи 7, не выполнила свои обязательства по Пакту, выдав г-на Нг, не запросив и не получив гарантии того, что он не будет казнен.

16.5 Комитет в принципе не обязан высказывать свое мнение по вопросу о соответствии статье 7 иных способов приведения смертного приговора в исполнение, помимо того, который рассматривается в данном случае.

17. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Международного пакта о гражданских и политических правах, считает, что факты, установленные Комитетом, свидетельствуют о нарушении Канадой статьи 7 Пакта.

18. Комитет по правам человека просит государство-участника сделать такие представления, которые еще можно сделать в целях недопущения смертного приговора, и призывает государство-участника обеспечить, чтобы в будущем подобные ситуации не возникали.

Примечание редактора: В данном издании не приводятся пункты 15.1-15.7 Соображений Комитета, где был сделан вывод о том, что Канада не нарушила право на жизнь, выдав г-на Нг Соединенным Штатам Америки. Это сделано в связи с тем, что после 1993 года Комитет изменил свою позицию по этому вопросу, как описано во введении к разделу о праве на жизнь. В деле *Нг* в общей сложности девять членов Комитета представили свои расходящиеся особые мнения. Пятеро из них (г-н Покар, г-н Лаллах, г-н Веннергрэн, г-н Агилар Урбина и г-жа Шане) сделали вывод о том, что имело место нарушение статьи 6. Канада, отменившая смертную казнь, несет правовое обязательство не вводить ее вновь как прямо, так и косвенно, посредством выдачи лица другому государству, где он (или она) может быть подвергнут смертной казни. Канада должна была, как минимум, запросить гарантии относительно того, что г-н Нг не будет казнен. Г-н Покар и г-н Лаллах также сделали вывод о том, что нарушение статьи 6 в данном деле влечет за собой нарушение статьи 7, независимо от метода приведения в исполнение смертного приговора. По мнению г-жи Шане, Комитет не должен рассматривать продолжительность страданий в качестве критерия при оценке того, является ли конкретный метод приведения в исполнение приговора жестоким или бесчеловечным видом наказания. Г-н Агилар Урбина также определил нарушение пункта 2 статьи 5 и статьи 26.

Четыре члена (г-н Мавромматис, г-н Сади, г-н Андо и г-н Херндл) придерживались той точки зрения, что нарушения Пакта не было. Г-н Андо считал, что исполнение смертного приговора через удушение газом не направлено на продление страданий лица, которого казнят таким образом, и что поэтому оно не нарушает статью 7. В своем объединенном, расходящемся с соображениями Комитета, собственном мнении, г-н Мавромматис и г-н Сади пришли к выводу, что такой способ казни, как забивание камнями насмерть, который используется преднамеренно и действительно приводит к продолжительным мучениям и страданиям, противоречит статье 7, в то время как в отношении настоящего дела таких выводов сделать нельзя. Г-н Херндл отметил, что не существует согласованных норм для определения того, какие методы казни являются более жестокими и бесчеловечными, чем другие. Он также не считал автора “жертвой” в значении статьи 1 Факультативного протокола.

СВОБОДА И БЕЗОПАСНОСТЬ

Статья 9

1. Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей. Никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом.
2. Каждому арестованному сообщаются при аресте причины его ареста и в срочном порядке сообщается любое предъявленное ему обвинение.
3. Каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. Содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, но освобождение может ставиться в зависимость от представления гарантий явки на суд, явки на судебное разбирательство в любой другой его стадии, и в случае необходимости, явки для исполнения приговора.
4. Каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно.
5. Каждый, кто был жертвой незаконного ареста или содержания под стражей, имеет право на компенсацию, обладающую искомой силой.

ВВЕДЕНИЕ

Статья 9 Пакта, в которой речь идет о свободе и неприкосновенности личности, обычно применяется, когда государственные органы лишают человека свободы. В пункте 1 содержится запрет на какое-либо произвольное лишение свободы и требование соблюдения закона в том смысле, что основания и процедуры, применяемые для лишения свободы, должны быть установлены законом. В пункте 2 сначала формулируется требование о том, что каждому арестованному при аресте сообщаются причины его ареста, а затем речь идет о лицах, обвиняемых в совершении преступления, и содержится требование, чтобы таким лицам “в срочном порядке” сообщались любые предъявляемые им обвинения. В пункте 3 речь идет о лишении свободы при расследовании преступления, при этом устанавливаются два временных интервала: каждое арестованное или задержанное лицо “в срочном порядке” доставляется к судье, а судебное разбирательство должно начаться “в течение разумного срока”. В своем Замечании общего порядка № 8 (16), принятом в 1982 году, Комитет разъясняет, что выражение “в срочном порядке” означает, что “задерж-

ка не должна превышать нескольких дней”¹. В пункте 4 содержится требование судебного надзора над всеми другими формами лишения свободы, отличными от ареста или задержания по подозрению в совершении уголовного преступления. И, наконец, в пункте 5 гарантируется компенсация жертвам незаконного ареста или содержания под стражей.

В данном разделе первым приводится дело *Вайсман и Пердомо против Уругвая*, в котором были установлены нарушения пунктов 1, 3 и 4 статьи 9. Вывод о нарушении пункта 1 был сделан в связи с тем, что авторы содержались под стражей после окончания срока заключения, поэтому часть срока они содержались под стражей без законных оснований, таким образом, их заключение было “произвольным” по смыслу пункта 1 статьи 9. Были нарушены оба положения пункта 3, поскольку после ареста авторы не были немедленно доставлены к судье и не предстали перед судом в течение разумного срока (лишь спустя несколько месяцев). Более того, отсутствие возможности воспользоваться эффективными средствами правовой защиты против ареста и задержания являлось нарушением пункта 4 статьи 9.

В следующем цитируемом деле, *Лопес Бургос против Уругвая*, нарушение пункта 1 статьи 9 было установлено в связи с тем, что г-н Лопес Бургос был похищен уругвайскими агентами на аргентинской земле. Это дело, включая особое совпадающее мнение г-на Томушата, важно не только в связи с запретом на произвольное задержание по пункту 1 статьи 9, но также, в более общем плане, в связи с вопросом о территориальной применимости Пакта в соответствии с пунктом 1 статьи 2. Лишение свободы без законных оснований привело к выводу о нарушении пункта 1 статьи 9 в деле *Роберто Зелайя Бланко против Никарагуа* (Сообщение № 328/1988)².

Чрезмерная продолжительность срока может привести к выводу о том, что лишение свободы, которое в противном случае считалось бы законным, является произвольным по смыслу пункта 1 статьи 9. В деле *Оге Спакмо против Норвегии* (Сообщение № 631/1995) было установлено нарушение этого положения в связи с необоснованно долгим (восемь часов) задержанием автора полицией вследствие того, что он продолжал ремонтные работы, несмотря на приказ полиции прекратить работу, и даже несмотря на то, что он уже один раз задерживался и был выпущен на свободу³. Как видно из материалов дела *Ишмет Целепли против Швеции* (Сообщение № 456/1991), про-

¹ Пункт 2 Замечания общего порядка № 8(16). UN doc. HRI/GEN/1/Rev.5, сс. 117-118.

² *Роберто Зелайя Бланко против Никарагуа* (Сообщение № 328/1988), Соображения, принятые 20 июля 1994 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, сорок девятая сессия, Дополнение № 40 (A/49/40), сс. 12-19.

³ *Оге Спакмо против Норвегии* (Сообщение № 631/1995), Соображения, принятые 5 ноября 1999 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 40 (A/55/40), сс. 22-29. Шесть членов Комитета (г-н Амор, г-н Андо, лорд Колвилл, г-н Кляйн, г-н Верушевский и г-н Ялден) представили свои особые несовпадающие мнения.

живание в предписанном месте и обязанность регулярно отмечаться в полиции не квалифицируется как лишение свободы по смыслу статьи 9⁴.

В приведенном ниже деле *А. против Австралии* длительное содержание под стражей в лагере для беженцев без какой-либо реальной возможности освобождения было признано произвольным лишением свободы по смыслу пункта 1 статьи 9, которое также являлось нарушением пункта 4 той же статьи. Следовательно, понятие “законности” из пункта 4 является не только вопросом внутреннего права, но для выполнения требования “законности” необходимо, чтобы внутреннее право было совместимо с положениями Пакта. Кроме того, судебный контроль должен не просто быть формальным, но включать возможность освобождения, если содержание под стражей является незаконным в соответствии с положениями внутреннего законодательства или Пакта.

В деле *Генри Каленга против Замбии* (Сообщение № 326/1988) было установлено нарушение обеих частей пункта 2 статьи 9 в связи с тем, что для сообщения автору причин его ареста и предъявляемых ему обвинений понадобилось более месяца⁵.

В приведенном ниже деле *Куломин против Венгрии* Комитет установил нарушение пункта 3 статьи 9, так как решение о предварительном заключении автора до суда принимал государственный прокурор, который затем несколько раз продлевал срок этого заключения; при этом автор ни разу не предстал перед судьей в течение девятимесячного предварительного заключения. Хотя государство-участник утверждало, что государственные прокуроры никоим образом не были связаны с исполнительной властью и действовали независимо от нее, следовательно, они были должностными лицами, которым по закону принадлежит право осуществлять судебную власть, Комитет постановил, что государственных прокуроров нельзя считать лицами, обладающими необходимой объективностью и беспристрастностью для того, чтобы рассматривать их по смыслу пункта 3 статьи 9 в качестве “должностных лиц, которым принадлежит по закону право осуществлять судебную власть”. В недавнем деле *Ростислав Борисенко против Венгрии* (Сообщение № 852/1999) Комитет пришел к выводу о том, что задержание в течение трех дней до того момента, когда автор был доставлен к представителю судебных органов, является слишком долгим и не соответствует определению “в срочном порядке” по смыслу пункта 3 статьи 9, если для такой отсрочки нет веских оснований⁶.

⁴ *Ишмет Целепли против Швеции* (Сообщение № 456/1991), Соображения, принятые 18 июля 1994 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, сорок девятая сессия, Дополнение № 40 (A/49/40), сс. 165-170.

⁵ *Генри Каленга против Замбии* (Сообщение № 326/1988), Соображения, принятые 27 июля 1993 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, сорок восьмая сессия, Дополнение № 40 (A/48/40), сс. 68-71.

⁶ *Ростислав Борисенко против Венгрии* (Сообщение № 852/1999), Соображения, принятые в октябре 2002 года, UN doc. CCPR/C/76/D/852/1999.

Нарушение пункта 3 статьи 9 в связи с отказом в освобождении под залог было установлено в деле *Майкл и Брайен Хилл против Испании*, которое приводится в разделе о справедливом судебном разбирательстве. Комитет подчеркнул, что заключение под стражей до суда должно быть крайней мерой и что иностранцев также следует освобождать под залог, за исключением особых ситуаций (пункт 12.3).

В цитируемом ниже деле *Вуоланне против Финляндии* Комитет подтвердил, что формулировка “арест или содержание под стражей” из пункта 4 статьи 9 включает также административное задержание, поэтому судебный надзор необходимо осуществлять над любыми случаями административного лишения свободы. Автор был подвергнут 10-дневному военному аресту с применением дисциплинарной процедуры, в которой предусматривался надзор со стороны вышестоящего военного командира, но не со стороны суда. Подобным образом было установлено нарушение пункта 4 статьи 9 в деле *Марио И. Торес против Финляндии* (Сообщение № 291/1988), так как в соответствии с Законом об иностранцах судебный надзор не предусматривался в течение первой недели административного содержания под стражей, а обеспечивался только после распоряжения министра о продлении срока содержания под стражей⁷. В этом деле также рассматривалось требование из пункта 4 о том, что постановление суда должно выноситься “безотлагательно”. По мнению Комитета, трехмесячный срок был “в принципе слишком продолжительным”. В пункте 4 статьи 9 содержится требование, чтобы суд осуществлял периодический надзор над продолжительным административным содержанием под стражей, например, в случае принудительного лечения в психиатрической больнице⁸.

Хотя статья 9 не упоминается в пункте 2 статьи 4 Пакта как право, которое не подлежит ограничениям во время чрезвычайных ситуаций, Комитет придерживается мнения, что требование о судебном надзоре над законностью содержания под стражей является элементом статьи 9, не допускающим никаких ограничений⁹.

В пункте 5 статьи 9 предусматривается право на компенсацию, обладающую исковой силой, каждому, кто стал жертвой незаконного ареста. Хотя слово “незаконный” относится здесь к такому лишению свободы, которое производится либо с нарушением внутреннего законодательства, либо про-

⁷ *Марио И. Торес против Финляндии* (Сообщение № 291/1988), Соображения, принятые 2 апреля 1990 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, сорок пятая сессия, Дополнение № 40 (A/45/40), сс. 96-100.

⁸ См. дело *А. против Новой Зеландии* (Сообщение № 754/1997), Соображения, принятые 15 июля 1999 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, пятьдесят четвертая сессия, Дополнение № 40 (A/54/40), сс. 245-256. Два члена Комитета (г-н Покар и г-н Шейнин) пришли к выводу о том, что был нарушен пункт 4 статьи 9, так как судебный надзор осуществлялся с задержкой.

⁹ Замечание общего порядка № 29 (72), принятое в 2001 году, UN doc. CCPR/C/21/Rev.1/Add.11, пункт 16.

тиворечит положениям Пакта, Комитет, тем не менее, считает, что тот факт, что человек может быть впоследствии оправдан, сам по себе не свидетельствует о том, что содержание под стражей до суда было незаконным¹⁰.

Хотя первое предложение в пункте 1 статьи 9 идентично соответствующей части статьи 5 Европейской конвенции о защите прав человека, в их толковании существует очень важное различие. В то время как Европейский Суд по правам человека до сих пор применял статью 5 только в контексте лишения свободы, Комитет по правам человека придает независимое значение “праву на личную неприкосновенность”. Прецедентным делом является дело *Дельгадо Паес против Колумбии*, которое приводится последним в данном разделе. Нарушение пункта 1 статьи 9 было установлено в связи с тем, что государство-участник не приняло соответствующих мер для соблюдения права автора на личную неприкосновенность, несмотря на то, что неизвестные лица угрожали ему смертью.

9. СООБЩЕНИЕ № 8/1977, АННА МАРИЯ ГАРСИЯ ЛАНСА ДЕ НЕТТО ОТ ИМЕНИ БЕАТРИС ВАЙСМАН ЛАНСА И АЛЬСИДЕСА ЛАНСА ПЕРДОМО ПРОТИВ УРУГВАЯ

Доклад Комитета по правам человека, GAOR, тридцать пятая сессия, Дополнение № 40 (A/35/40), сс. 111-119. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 20 февраля 1977 года

Соображения приняты: 3 апреля 1980 года (девятая сессия)

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Первоначальный автор данного сообщения, Анна Мария Гарсия Ланса де Нетто [...], является уругвайской гражданкой, проживающей в Мексике. Она представила сообщение от имени своей тети Беатрисы Вайсман де Ланса, 35-летней гражданки Уругвая, и своего дяди Альсидеса Ланса Пердомо, 60-летнего гражданина Уругвая и бывшего профсоюзного лидера, утверждая, что оба они были незаконно арестованы и содержались в заключении в Уругвае.

2. Анна Мария Гарсия Ланса де Нетто утверждает, что ее дядя был арестован в начале февраля 1976 года на улице Монтевидео какими-то людьми, приехавшими на военном автомобиле, и что до конца сентября 1976 года его семья и его друзья не смогли найти место его пребывания. Она утверждает, что Альсидеса Ланса Пердомо содержали в различных местах, включая военно-морскую базу в Лагуне дель Сауге в департаменте Мальдонадо, и что в течение этого периода его первого задержания его четыре раза доставляли в центральный госпиталь вооруженных сил, и в одном из этих случаев он был близок к смерти от асфиксии. Далее она утверждает, что приблизительно в течение двух месяцев ее дядя абсолютно ничего не помнил и что он предпо-

¹⁰ См. дело *В.Б.Э. против Нидерландов* (Сообщение № 432/1990), Соображения, принятые 23 октября 1992 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, сорок восьмая сессия, Дополнение № 40 (A/48/40), сс. 205-209.

лагал, что все это время он был без сознания. Она утверждает, что вследствие плохого обращения с ее дядей его слух серьезно поврежден и что ему трудно двигаться из-за болей в бедре, вероятно, из-за перелома.

Представляется, что Альсидес Ланса позднее содержался в армейских кварталах военной школы в 14 км от Камино Мальдонадо, где, как утверждает, он был размещен в железнодорожном вагоне вместе с шестнадцатью другими заключенными и что его заставляли работать в поле.

В отношении своей тети, Беатрисы Вайсман де Ланса, первоначальный автор утверждает, что вскоре после ареста мужа она была арестована военными [...]. Автор утверждает, что семья и друзья ее тети не знали о месте ее заключения вплоть до конца 1976 года. Она утверждает, что до исчезновения в феврале 1976 года ее тетя была здорова, но что вследствие пыток у нее отнялись ноги и она не может передвигаться без помощи двух женщин-заключенных. Она заявила, что, несмотря на это, Беатрису Вайсман заставляют работать.

Наконец, Анна Мария Гарсия Ланса де Нетто утверждает, что в отношении ее дяди было начато судебное разбирательство военным судом, однако предстал ли ее дядя перед судом, она не знает.

[...]

4. [...] Первоначальный автор объяснила, что жертвы были не в состоянии действовать от своего собственного имени и что она действовала от их имени как близкая родственница, уверенная в том, что предполагаемые жертвы согласились бы подать жалобу.

5. В письме от 27 октября 1977 года государство-участник выдвинуло возражения против приемлемости сообщения на двух основаниях:

а) данное дело уже изучалось Межамериканской комиссией по правам человека;

б) предполагаемые жертвы не исчерпали всех доступных внутренних средств правовой защиты.

6. 1 февраля 1978 года Комитет по правам человека,

а) установив, что дело, касающееся Беатрисы Вайсман де Ланса, которое находилось на рассмотрении Межамериканской комиссии по правам человека, было прекращено и более не является предметом активного рассмотрения со стороны этого органа;

б) установив также, что дело, касающееся Альсидеса Ланса Пердомо, представлялось на рассмотрение Межамериканской комиссии по правам человека в ноябре 1974 года и в феврале 1976 года, соответственно;

с) придя к выводу о том, что эти два случая не могут относиться к событиям, которые, как утверждается, произошли 23 марта 1976 года (даты вступления в силу Пакта и Факультативного протокола для Уругвая);

д) также придя к выводу о том, что в отношении исчерпания внутренних средств правовой защиты, на основании имеющейся у Комитета информации, не имелось других средств защиты, которые должны или могли быть использованы предполагаемыми жертвами;

Таким образом, постановляет:

- a) что действия автора сообщения от имени предполагаемых жертв являются обоснованными в силу близких родственных отношений;
- b) что сообщение является приемлемым; [...]

[...]

8. [...] [В] ноте от 8 октября 1979 года данное правительство утверждало, во-первых, что Комитет должен пересмотреть свое решение, касающееся приемлемости сообщения, поскольку внутригосударственные средства правовой защиты не были исчерпаны. К ноте оно приложило обзор существующих средств защиты, отметив, что авторы не указали, что они действительно обращались к каким-либо средствам защиты. Кроме того, данное правительство заявило, что оно не обязано доказывать эффективность данных средств и что нельзя голословно утверждать об их неэффективности. Несмотря на эти заявления, правительство, тем не менее, представило следующую информацию:

“Г-н Альсидес Ланса был арестован 2 февраля 1976 года в целях проведения расследования и содержался под стражей в соответствии с чрезвычайными мерами безопасности. Впоследствии, 21 сентября 1976 года, он был обвинен военным следственным судьей пятого отделения в преступлении, заключающемся в “подрывной ассоциации”, упомянутом в пункте VI статьи 60 Военного уголовного кодекса.

26 октября 1977 года он был осужден на три года тюремного заключения строгого режима за вычетом периода, проведенного им под стражей в ожидании суда. После отбытия срока 2 февраля 1979 года он был освобожден без каких-либо условий, и 1 июля 1979 года он уехал из Уругвая в Швецию.

Следует отметить, что на протяжении всего времени г-ну Ланса предоставлялась соответствующая юридическая помощь, а его адвокатом был д-р Хуан Барбе.

Г-жа Вайсман де Ланса была арестована для проведения расследования 17 февраля 1976 года и находилась под стражей в соответствии с чрезвычайными мерами безопасности. Впоследствии, 28 сентября 1976 года, военный следственный судья первого отделения выдвинул против нее обвинение в совершении преступления, заключающегося в “оказании помощи ассоциации”, упомянутого в пункте VI статьи 60 Военного уголовного кодекса.

4 апреля 1978 года ей был вынесен приговор. Ей был учтен тот срок, в течение которого она находилась под стражей в ожидании суда, и она была освобождена. 11 февраля 1979 года она уехала из Уругвая в Швецию”.

Правительство заявило, что приведенные вышеуказанные факты ясно свидетельствуют о том, что обвинение в нарушении положений Пакта было “ложным”. “Хотя такие беспочвенные, безответственные и не сопровождаемые хоть какими-либо доказательствами обвинения не заслуживают каких-либо дополнительных комментариев”, некоторые комментарии были сделаны в качестве примера:

“Очевидно, что обоим этим лицам были предоставлены все гарантии должного процесса, поскольку они предстали перед компетентным судьей на открытом заседании, получили соответствующую юридическую помощь от своего адвоката и считались невиновными до тех пор, пока не были признаны виновными [...]”.

Обвинения в якобы плохом обращении и пытках, которым подверглись заключенные, являются лишь плодом воображения автора; [...]. Заключенные не подвергаются каким-либо пыткам или физическому принуждению ни в одном из пенитенциарных учреждений. [...]”

9. Между тем одна из предполагаемых жертв, Беатрис Вайсман де Ланса, после приезда в Швецию представила сообщение [...] от имени другой предполагаемой жертвы, ее мужа Альсидеса Ланса Пердомо, содержащее дополнительные подробности, касающиеся его дела. В последующем письме (от 30 апреля 1979 года), включающем подробное изложение ее собственного дела, она просила, чтобы ее рассматривали в качестве совместного составителя и соавтора настоящего сообщения и чтобы ее собственное сообщение (№ 48/1979) рассматривалось как часть вышеуказанного сообщения и было добавлено к нему в качестве дополнительной информации.

Она заявила, в частности, что ее муж содержался в различных военных казармах и тюрьмах, находился без права на переписку и встречи в течение девяти месяцев и подвергался пыткам электрошоком, подвешиванию за руки, его погружали головой в грязную воду, доводили до состояния, близкого к удушению [...]. Она сообщила, что ее муж страдал некоторыми серьезными заболеваниями, которые появились у него в результате применения пыток (гипертонией, у него постоянно дрожит правая рука, а иногда и все тело, и отмечается потеря памяти, вызванная повреждением мозга). Он был осужден 21 сентября 1976 года и приговорен к трем годам тюремного заключения военным судом, и она утверждала, что он по-прежнему находится под стражей несмотря на отбытие своего срока. Что касается ее самой, то она изложила в подробностях свои впечатления, начиная с даты ее ареста, 17 февраля 1976 года, до освобождения и выезда из Уругвая в 1979 году. Она заявила, что после ареста ее вначале содержали под стражей в казармах воинской части № 13, названных заключенными “Эль инфьерно” (“адом”). На ее глазах почти постоянно была повязка, а руки были связаны. Ее подвергали различным пыткам, которые она подробно описывает [...]. 29 июля 1976 года ее перевели в казармы 6-й кавалерийской части, где содержали в грязной камере в антисанитарных условиях; ей не выдали теплой одежды и по-прежнему большую часть времени не снимали повязки с глаз. Она утверждает, что в этих казармах 26 августа 1976 года было начато предварительное расследование. Когда она пожаловалась военному судье на то, что ее подвергли пыткам, он посоветовал ей не выступать с обвинениями, которые она не сможет подтвердить фактами, поскольку в таком случае ее, вероятно, вновь вернут в “Эль инфьерно”. 25 сентября 1976 года ее перевели в казармы пехотной части № 1 в Камино Мальдонадо, где ее впервые поместили в отдельную камеру размером 2 x 1,5 м. В

течение всего дня заключенных заставляли сидеть и не разрешали разговаривать друг с другом. 30 октября 1976 года она первый раз встретилась с членом своей семьи. Вскоре после этого, 3 ноября 1976 года, ее перевели в тюрьму “Пунта де Риелес”, где она содержалась вместе с 11 другими женщинами-заключенными в камере, рассчитанной только на 4 заключенных. Даже женщин-заключенных заставляли выполнять тяжелые полевые работы, которые были под силу только мужчинам. Она заявила, что 15 октября 1976 года против нее было выдвинуто обвинение в “оказании помощи подрывной ассоциации”, что в апреле 1977 года прокурор потребовал тюремного заключения на 32 месяца, что через год, в апреле 1978 года, судья вынес приговор на 24 месяца, и, приняв во внимание уже отбытый ею срок содержания под стражей, издал приказ о ее освобождении, но ее содержание под стражей, тем не менее, продолжалось в условиях чрезвычайных мер безопасности до тех пор, пока она не была освобождена в начале 1979 года.

10. Комитет постановил рассматривать информацию, упомянутую выше в пункте 9, как относящуюся к настоящему сообщению, что соответствует просьбе автора, и, таким образом, прекратить рассмотрение сообщения № 48/1979 в качестве отдельного сообщения. [...]

Впоследствии, в письме от 28 сентября 1979 года, Беатрис Вайсман информировала Комитет о том, что ее муж был выслан из Уругвая и что он получил политическое убежище в Швеции 2 июля 1979 года.

11. В ответ на дальнейшие запросы Комитета Беатрис Вайсман и Альсидес Ланса в письме от 15 февраля 1980 года представили следующую дополнительную информацию и замечания:

а) Они заявили, что до начала судебного разбирательства они не могли воспользоваться юридической помощью, а когда это разбирательство началось, им предоставили возможность выбрать либо частного адвоката, либо официально назначенного защитника. Беатрис Вайсман заявила, что она выбрала частного адвоката, но так и не увидела его, не имела возможности встретиться с ним; ей не сообщили о ее правах, возможных средствах правовой защиты или о праве регресса. Альсидес Ланса заявил, что он выбрал официально назначенного защитника и что д-р Антонио Селуха, с которым он встречался в этой связи, но не имел возможности поговорить, был назначен в качестве защитника. Альсидес Ланса заявил далее, что его защитника позже сменили д-р Переда и д-р Хуан Барбе и что ни с одним из них он так и не встретился. Поскольку они не имели контактов с адвокатами, они были лишены возможности подать апелляцию, поскольку не знали своих прав и никто не оказал им содействия в осуществлении этих прав;

б) Беатрис Вайсман содержалась в заключении до 11 февраля 1979 года, хотя приказ о ее освобождении был издан 14 апреля 1978 года, и в этот день ее попросили поставить свою подпись под приказом об освобождении. Альсидес Ланса, срок заключения которого истек 2 февраля 1979 года, тем не менее, продолжал содержаться под стражей в различных местах заключения [...] до тех пор, пока не был освобожден 1 июля 1979 года;

с) Они подтвердили подлинность информации, представленной ранее в отношении обращения с ними в заключении, включая различные формы физических и моральных пыток, которым их, как они утверждают, подвергли. Они заявили, что в результате обращения с ними состояние здоровья Альсидеса Ланса еще более ухудшилось, и в качестве доказательства этого они представили медицинское заключение, датированное 19 февраля 1980 года, которое было получено от врача из Стокгольма вместе с копиями больничных и лабораторных анализов, касающихся состояния его здоровья. Они также приложили несколько фотографий, на которых видны шрамы на ногах Альсидеса Ланса, которые, как они утверждают, были вызваны ожогами от сигарет – одним из видов пыток. В сообщении доктора отмечается, что Альсидес Ланса продолжает страдать от повреждений слухового аппарата, у него дрожит правая рука и он не может ею пользоваться, у него отмечены симптомы психического расстройства.

12. Комитет отметил, что представления данного правительства от 8 октября 1979 года были получены по истечении предельного срока, установленного в пункте 2 статьи 4 Факультативного протокола, и даже после предельного срока, установленного Комитетом после его повторной просьбы от 18 апреля 1979 года. Тем не менее, Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

13. Что касается вопроса об исчерпании внутренних средств правовой защиты, то Комитет отмечает, что представления и объяснения правительства по-прежнему никоим образом не свидетельствуют о том, что в особых обстоятельствах, касающихся двух этих лиц, в момент подачи жалобы имелись средства правовой защиты, которые они могли бы использовать. В другом случае [*Валькада против Уругвая*, (Сообщение № 9/1977)] правительство сообщило Комитету о том, что такое средство правовой защиты, как *habeas corpus*, неприменимо к лицам, арестованными в соответствии с чрезвычайными мерами безопасности. Кроме того, Беатрис Вайсман и Альсидес Ланса объяснили, что они не имели реальной возможности вступить в контакт с адвокатами для консультации относительно своих прав и получения содействия в их осуществлении.

14. Поэтому Комитет принимает решение обосновать свою точку зрения, исходя из следующих соображений:

і) Альсидес Ланса Пердомо был арестован 2 февраля 1976 года для проведения расследования и содержался под стражей в соответствии с чрезвычайными мерами безопасности. Его содержали в изоляции в течение многих месяцев. Бесспорно, что он содержался в заключении без предъявления ему обвинения в течение приблизительно 8 месяцев, а затем в течение еще 13 месяцев он содержался в заключении по обвинению в “участии в деятельности подрывной организации”, которое, очевидно, было выдвинуто лишь на основании его политических взглядов и связей. Затем, после 21 месяца, проведенного в заключении, он был приговорен за это преступление военным судьей к трем годам тюремного заключения со строгим режимом за вычетом того периода времени, который он уже провел в заключении. Во время заключения и в ходе судебного процесса он

не имел реальной возможности воспользоваться юридической помощью. Хотя срок заключения истек 2 февраля 1979 года, его освободили лишь 1 июля 1979 года. Его нынешнее физическое и психическое состояние, по поводу которого от правительства Уругвая не было получено другого объяснения, подтверждает утверждение о плохом обращении с ним во время заключения.

ii) Беатрис Вайсман де Ланса была арестована 17 февраля 1976 года для проведения расследования и находилась под стражей, как заявило правительство, в соответствии с чрезвычайными мерами безопасности. Она содержалась в изоляции многие месяцы. Бесспорно, что она содержалась в заключении без предъявления обвинения в течение более чем 7 месяцев, после чего, согласно информации, полученной от правительства, она содержалась в заключении еще 18 месяцев (с 28 сентября 1976 года по апрель 1978 года) по обвинению в “оказании помощи подрывной организации”, которое, очевидно, было выдвинуто на тех же основаниях, что и в случае с ее мужем. Ее судили, и в апреле 1978 года военный судья вынес приговор, согласно которому ее срок заключения за содеянное ограничивался сроком содержания под стражей в ожидании суда. Однако она содержалась в заключении до 11 февраля 1979 года. Во время ее заключения и в ходе судебного процесса она не имела реальной возможности воспользоваться юридической помощью. Что касается ее утверждения, о том, что во время заключения с ней плохо обращались и подвергали ее физическим и психическим пыткам, она заявляет, что пожаловалась военному судье, но нет никаких свидетельств того, что по ее жалобам было проведено расследование.

15. Комитет по правам человека рассмотрел вопрос о том, могут ли действия и обращение, которые *prima facie* не соответствуют Пакту, по каким-либо причинам быть оправданными, исходя из положений Пакта, при таких обстоятельствах. Правительство сослалось на положения уругвайского законодательства и в особенности на чрезвычайные меры безопасности. Однако статья 4 Пакта не предусматривает наличия положений в национальном законодательстве, отличающихся от какого-либо из его положений, за исключением строго определенных обстоятельств, а правительство не представило какой-либо информации, содержащей факты или законы в оправдание такого отступления. Более того, некоторые упомянутые выше факты затрагивают вопросы, регулируемые такими положениями Пакта, отступление от которых не допускается ни при каких обстоятельствах.

Что касается замечаний правительства, приведенных выше (пункт 8), то на основе упоминавшихся ранее данных, полученных Комитетом (пункт 14), можно сделать вывод о том, что различные гарантии должного процесса не были в действительности соблюдены и что некоторые довольно конкретные утверждения о плохом обращении и пытках были расценены правительством лишь как “не нуждающиеся в каких-либо дополнительных комментариях”. В своем решении от 26 октября 1979 года, касающемся дела № 9/1977, Комитет подчеркнул, что отрицаний общего характера недостаточно. В связи с заявлениями автора сообщения требуются конкретные ответы и соответствующие доказательства (включая копии соответствующих решений судов

и выводы любых расследований, которые были проведены в отношении обоснованности поданных жалоб). Правительство не представило Комитету такую информацию. Следовательно, Комитету остается лишь сделать соответствующие выводы на основе имеющейся у него информации.

16. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что факты, изложенные выше (пункт 14), поскольку они продолжали наблюдаться или имели место после 23 марта 1976 года (даты вступления в силу Пакта и Факультативного протокола для Уругвая), подтверждают по причинам, изложенным выше (пункт 15), нарушения Международного пакта о гражданских и политических правах, в частности:

в отношении как Альсидеса Ланса Пердомо, так и Беатрис Вайсман де Ланса, статьи 7 и пункта 1 статьи 10, вследствие того обращения, которому они подвергались во время их содержания под стражей;

пункта 3 статьи 9, поскольку после ареста они не были немедленно доставлены к судье и в течение разумного срока времени они не предстали перед судом;

пункта 4 статьи 9, поскольку они не располагали эффективными средствами юридической защиты против их ареста и задержания;

пунктов 1, 2 и 3 статьи 14, поскольку они не имели реальной возможности воспользоваться юридической помощью и не предстали перед судом в течение разумного периода времени, а также поскольку суд над ними проходил при обстоятельствах, в которых, несмотря на законодательные положения, они не могли получить эффективной гарантии справедливого судебного разбирательства;

пункта 1 статьи 9, поскольку они не были освобождены после того, как отбыли срок заключения; Альсидес Ланса Пердомо провел в заключении еще 5 месяцев, а Беатрис Вайсман де Ланса – 10 месяцев.

Статья 19 Пакта предусматривает, что каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений и что свобода выражения своего мнения, предусмотренная в пункте 2 этой статьи, подлежит только таким ограничениям, которые *необходимы* а) для уважения прав и репутации других лиц и б) для охраны государственной безопасности или общественного порядка (*ordre public*) или здоровья или нравственности населения. Правительство Уругвая не представило никаких доказательств в отношении характера политической деятельности, которой, как утверждалось, занимались Беатрис Вайсман и Альсидес Ланса, и которая привела к их аресту, задержанию и преданию суду. Информация о том, что им были предъявлены обвинения в подрывной ассоциации, сама по себе является недостаточной. Поэтому Комитет не может на основании имеющейся у него информации сделать вывод о том, что арест, задержание и предание суду Беатрис Вайсман и Альсидеса Ланса были обоснованы какими-либо причинами, указанными в пункте 3 статьи 19 Пакта.

17. Таким образом, несмотря на то, что Комитет с удовлетворением отмечает, что Беатрис Вайсман и Альсидес Ланса в настоящее время находятся

на свободе, он, тем не менее, придерживается того мнения, что государство-участник обязано обеспечить им эффективные средства правовой защиты, включая компенсацию, в связи с нарушениями, жертвами которых они стали, и принять меры для обеспечения того, чтобы подобные нарушения не повторялись в будущем.

10. СООБЩЕНИЕ № 52/1979, ДЕЛИЯ САЛДИАС ДЕ ЛОПЕС ОТ ИМЕНИ СВОЕГО МУЖА СЕРХИО РУБЕНА ЛОПЕСА БУРГОСА ПРОТИВ УРУГВАЯ

Доклад Комитета по правам человека, GAOR, тридцать шестая сессия, Дополнение № 40 (A/36/40), сс. 176-184. Примечания и сноски опушены.

Дата сообщения: 6 июня 1979 года

Сообщение принято: 29 июля 1981 года (тринадцатая сессия)

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автор сообщения Делия Салдиас де Лопес является политическим беженцем уругвайской национальности и проживает в Австрии. Она представляет данное сообщение от имени своего мужа Серхио Рубена Лопеса Бургоса, являющегося рабочим и профсоюзным лидером в Уругвае.

2.1 Автор заявляет, что главным образом по причине активного участия в профсоюзном движении ее муж (предполагаемая жертва) подвергался различным формам притеснения со стороны властей с начала своей профсоюзной деятельности. Так, в декабре 1974 года он был арестован и в течение 4 месяцев содержался в заключении без предъявления обвинения. В мае 1975 года, вскоре после своего освобождения и по-прежнему подвергаясь притеснениям со стороны властей, он переехал в Аргентину. В сентябре 1975 года Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев признало его в качестве политического беженца.

2.2 Автор утверждает, что 13 июля 1976 года ее муж был похищен в Буэнос-Айресе сотрудниками “уругвайских сил безопасности и разведки” при содействии аргентинских военизированных групп, а затем в течение около двух недель находился в тайном заключении в Буэнос-Айресе. 26 июля 1976 года г-н Лопес Бургос вместе с несколькими другими уругвайскими гражданами был незаконно и тайно переправлен в Уругвай, где специальные силы безопасности содержали его в полной изоляции в секретной тюрьме в течение трех месяцев. Во время своего примерно четырехмесячного заключения как в Аргентине, так и в Уругвае он постоянно подвергался физическим и психологическим пыткам и другим жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство видам обращения.

2.3 Автор утверждает, что ее муж подвергался пыткам и плохому обращению, в результате которых он получил такие телесные повреждения, как перелом челюсти и перфорация мочек ушей. В подтверждение своих обвинений автор приводит подробные свидетельские показания, представленные ше-

стью бывшими заключенными, которые содержались вместе с г-ном Лопесом Бургосом в ряде тайных мест заключения в Аргентине и Уругвае и были впоследствии освобождены [...]. Некоторые из этих свидетелей описывают арест г-на Лопеса и других уругвайских беженцев в одном из баров в Буэнос-Айресе 13 июля 1976 года; при этом его нижняя челюсть была, как утверждают, сломана в результате удара рукояткой револьвера; вместе с другими беженцами он был затем доставлен в один из домов, где он был подвергнут допросу, физическому избиению и пыткам. Ряд свидетелей смогли установить личность некоторых уругвайских офицеров [...]. Свидетели утверждают, что г-н Лопес Бургос был подвешен за руки, связанные за спиной, и в таком положении находился в течение нескольких часов, что он был подвергнут воздействию электрического тока, брошен на пол, обвязан цепями, по которым был пропущен электрический ток, причем во время пыток он постоянно находился в обнаженном состоянии и обливался водой; эти пытки, как утверждают, продолжались 10 дней, пока Лопес Бургос и несколько других лиц не были перевезены на грузовике с завязанными глазами на военную базу, расположенную рядом с аэропортом Буэнос-Айреса; затем они были доставлены на уругвайском самолете на военно-воздушную базу № 1, прилегающую к уругвайскому национальному аэропорту в Каррасо близ Монтевидео. Там были продолжены допросы, в ходе которых он подвергался избиениям и воздействию электрического тока; один из свидетелей утверждает, что в ходе одного из таких допросов сломанная челюсть г-на Лопеса Бургоса была еще больше повреждена. Этот свидетель указывает, что г-н Лопес Бургос и 13 других лиц были доставлены на летнюю дачу, расположенную в Шангрила Бич и что все эти 14 человек были официально арестованы там 23 октября 1976 года, а пресса была информирована о том, что “подрывные элементы” были схвачены на этой летней даче во время проведения тайной встречи. Четыре свидетеля утверждают также, что Лопеса Бургоса и нескольких других лиц заставили под угрозой подписать ложные заявления, которые были впоследствии использованы в ходе возбужденного против них судебного разбирательства, и не прибегать к услугам какого-либо юридического консультанта, помимо полковника Марио Родригеса. Другие свидетели отмечают, что всех арестованных [...], родители которых являются адвокатами, заставили признать адвокатов *ex officio*.

2.4 Автор далее утверждает, что ее муж был переведен из тайной тюрьмы и содержался “в распоряжении военной юстиции” сначала в военном госпитале, где в течение нескольких месяцев ему пришлось пройти курс лечения в связи с физическими и психологическими последствиями пыток, которым он подвергался до своего “официального” ареста, а позднее в тюрьме Либертад в Сан-Хосе. Суд над ним начался по прошествии 14 месяцев, в апреле 1978 года. В момент написания сообщения г-н Лопес все еще ожидал вынесения окончательного решения военным судом. Автор отмечает в этой связи, что ее муж также лишен права пользоваться услугами выбранного им адвоката. Властями был назначен военный адвокат *ex officio*.

2.5 Г-жа Салдиас де Лопес заявляет, что данное дело не было передано для какого-либо международного разбирательства или урегулирования.

2.6 Она также утверждает, что ограниченные внутренние средства правовой защиты, которые могут быть применены в Уругвае в условиях “срочных мер безопасности”, были исчерпаны, а также указывает в этой связи на безуспешную попытку матери жертвы в Аргентине воспользоваться процедурой “ампаро”.

2.7 Она также представила копию письма австрийского консульства в Монтевидео, Уругвай, где говорится, что правительство Австрии предоставило визу г-ну Лопесу Бургосу и что эта информация была передана Министерству иностранных дел Уругвая.

2.8 Она утверждает, что в отношении ее мужа уругвайскими властями были нарушены следующие статьи Пакта о гражданских и политических правах: статьи 7, 9 и 12 (1) и статья 14 (3).

3. В своем решении от 7 августа 1979 года Комитет по правам человека

1) постановил, что автор сообщения правомочен действовать от имени предполагаемой жертвы;

2) препроводил в соответствии с правилом 91 временных правил процедуры это сообщение соответствующему государству-участнику с просьбой представить информацию и замечания, касающиеся вопроса приемлемости этого сообщения, указав, что, если государство-участник отрицает факт исчерпания внутренних средств правовой защиты, оно должно представить подробную информацию о действующих юридических средствах, которыми может воспользоваться предполагаемая жертва в конкретных обстоятельствах его дела.

4. Государство-участник в своем ответе от 14 декабря 1979 года, представленном в соответствии с правилом 91 временных правил процедуры, отмечает, что “данное сообщение полностью лишено каких-либо оснований, которые сделали бы его приемлемым для Комитета, поскольку в ходе разбирательства в отношении г-на Лопеса Бургоса последний пользовался всеми гарантиями, предоставляемыми в рамках уругвайского правопорядка”. [...] Кроме того, государство-участник представляет некоторые фактические сведения по данному делу, включая следующее: г-н Лопес Бургос был арестован 23 октября 1976 года в связи с его подрывной деятельностью и содержался под стражей на основании срочных мер безопасности; 4 ноября 1976 года второй военной судебный следователь предъявил ему обвинение в предполагаемом совершении правонарушения, связанного с участием в “подрывной ассоциации” [...]; 8 марта 1979 года суд первой инстанции приговорил его к тюремному заключению сроком на семь лет за совершение правонарушений [...]; впоследствии, 4 октября 1979 года, Верховный военный суд вынес окончательный приговор, сократив срок его заключения до четырех лет и шести месяцев. Далее указывается, что адвокатом защиты по делу г-на Бургоса является полковник Марио Родригес и что г-н Бургос в настоящее время находится в заключении в военной тюрьме № 1. Правительство Уругвая так-

же доводит до сведения Комитета заключение после медицинского обследования г-на Бургоса, в котором, в частности, указывается следующее:

“История болезни до заключения (*Antecedes personales anteriores a su “reclusiyn”*): 1) оперирован в возрасте 12 лет в связи с двойной паховой грыжей; 2) длительное время страдает от повышенного артериального давления; 3) перелом в левой части нижней челюсти. [...]

Тюремная медицинская карта (*Antecedentes de “reclusiyn”*): прошел курс лечения в отделении хирургической стоматологии Центрального госпиталя вооруженных сил в связи с переломом челюсти, который он получил до помещения в тюрьму. Выписан из Центрального госпиталя вооруженных сил 7 мая 1977 года после сращения перелома при улучшающемся состоянии здоровья: [...]”.

[...]

6. В отсутствие какой-либо информации, противоречащей заявлению автора о том, что данное дело не было передано для другого международного разбирательства или урегулирования, и, придя к заключению на основе имеющейся у него информации об отсутствии неисчерпанных внутренних средств правовой защиты, которые могли или должны были быть использованы, Комитет постановил 24 марта 1980 года:

(1) что данное сообщение является приемлемым в той мере, в какой оно касается событий, которые, как утверждается, по-прежнему имели место или произошли после 23 марта 1976 года (дата вступления в силу Пакта и Факультативного протокола для Уругвая); [...]

7.1 В своем представлении от 20 октября 1980 года в соответствии со статьей 4 (2) Факультативного протокола государство-участник утверждает, что г-н Лопес Бургос всегда пользовался помощью адвоката и что он подал апелляцию; в результате апелляции был вынесен повторный приговор, в соответствии с которым срок заключения, равный семи годам, был сокращен до четырех лет и шести месяцев тюремного заключения строгого режима. Государство-участник также отвергает утверждение, что Лопес Бургос был лишен права воспользоваться услугами выбранного им адвоката, заявляя, что в этом отношении ему не чинилось никаких препятствий.

7.2 Что касается обстоятельств, при которых г-ну Лопесу Бургосу была сломана челюсть, то государство-участник приводит следующую выдержку из “соответствующего медицинского заключения”:

“5 февраля 1977 года он поступил в Центральный госпиталь вооруженных сил с переломом нижней левой челюсти, который произошел во время спортивных занятий в тюрьме [...]. Лечение перелома челюсти, с которым он поступил в госпиталь, проводилось в отделении хирургической стоматологии госпиталя. Он был выписан 7 мая 1977 года после сращения перелома при улучшающемся состоянии здоровья”.

7.3 Хотя автор сообщения утверждает, что ее муж был похищен сотрудниками уругвайских сил безопасности и разведки 13 июля 1976 года, госу-

дарство-участник заявляет, что г-н Лопес Бургос был арестован 23 октября 1976 года, и утверждает, что местонахождение г-на Лопеса Бургоса было известно, начиная с даты его ареста, а более ранней информации не имеется.

7.4 Что касается права на использование услуг адвоката, то государство-участник в целом утверждает, что сами обвиняемые, а не власти выбрали адвокатов из списка адвокатов, назначенных судом.

8.1 В своем представлении в соответствии с правилом 93 (3) от 22 декабря 1980 года автор указывает, что, поскольку обвиняемые могут выбрать своих адвокатов только из списка военных адвокатов, составленного уругвайским правительством, ее муж не имел возможности воспользоваться услугами не связанного с правительством гражданского адвоката, который мог бы обеспечить “действительную и беспристрастную защиту”, и что он не пользовался надлежащими гарантиями справедливого судебного разбирательства.

8.2 Что касается пояснения государства-участника в отношении перелома челюсти, от которого пострадал Лопес Бургос, то автор утверждает, что они являются противоречивыми. В выдержке из медицинского заключения, приведенного в ноте государства-участника от 14 декабря 1979 года, об этом переломе говорится в пункте, начинающемся со слов “История болезни до заключения *reclusiyn*” [...]. Иными словами, перелом произошел до его заключения. Однако в ноте от 20 октября 1980 года говорится, что он поступил в госпиталь с переломом челюсти, который произошел “во время спортивных занятий в тюрьме”. Автор настаивает на том, что перелом произошел в результате пыток, которым Лопес Бургос подвергался в период с июля по октябрь 1976 года, когда он находился в руках уругвайских специальных сил безопасности.

9. Государство-участник представило дополнительные замечания в соответствии со статьей 4 (2) Пакта в ноте от 5 мая 1981 года, где утверждается, что между медицинскими заключениями отсутствует какое-либо противоречие, поскольку государство-участник использовало термин “*reclusiyn*”, имея ввиду “*internacion en el establecimiento hospitalario*” (госпитализация), и вновь утверждает, что перелом произошел во время спортивных занятий в тюрьме.

10.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами в соответствии со статьей 5 (1) Факультативного протокола. Комитет основывает свои мнения, в частности, на следующих неопровержимых фактах:

10.2 До своего исчезновения 13 июля 1976 года Серхио Рубен Лопес Бургос проживал в Аргентине в качестве политического беженца; затем он вновь появился в Монтевидео, Уругвай, не позднее 23 октября 1976 года – дата, когда, по утверждению уругвайских властей, он был арестован, – и находился в заключении в соответствии с безотлагательными мерами безопасности. Предварительное следствие началось 4 ноября 1976 года, когда второй военный судебный следователь обвинил его в правонарушении, связанном с “участием в подрывной ассоциации”, однако фактическое судебное разбирательство началось в апреле 1978 года в военном суде первой инстанции, который пригово-

рил его 8 марта 1979 года к семи годам тюремного заключения; на основании апелляции суд второй инстанции сократил срок заключения до четырех лет и шести месяцев. С 5 февраля по 7 мая 1977 года Лопес Бургос находился на излечении в военном госпитале в связи с переломом челюсти.

11.1 При изложении своих мнений Комитет по правам человека принимает также во внимание следующие соображения.

11.2 24 марта 1980 года Комитет направил государству-участнику запрос в отношении точной информации о местонахождении Лопеса Бургоса в период с июля по октябрь 1976 года. В своем представлении от 20 октября 1980 года государство-участник заявляет, что оно не располагает такой информацией. Комитет отмечает, что автор представила точные указания в отношении ареста и задержания ее мужа 13 июля 1976 года в Буэнос-Айресе уругвайскими службами безопасности и разведки, и что представленные ею свидетельские показания говорят о причастности к этому нескольких поименно названных уругвайских офицеров. Государство-участник не опровергло этих утверждений, не привело каких-либо надлежащих доказательств того, что они были должным образом расследованы.

11.3 В отношении утверждений о плохом обращении и пытках Комитет отмечает, что автор представила подробные свидетельские показания шести бывших заключенных, которые содержались вместе с г-ном Лопесом Бургосом в некоторых местах тайного заключения в Аргентине и Уругвае. Комитет отмечает далее, что приводятся имена пяти уругвайских офицеров, которые, как утверждается, несут ответственность за плохое обращение или сами плохо обращались с заключенными. Государству-участнику следует расследовать эти обвинения в соответствии со своими законами и своими обязательствами, вытекающими из Пакта и Факультативного протокола. В отношении перелома челюсти Комитет отмечает, что представленные автором свидетельские показания говорят о том, что перелом произошел при аресте г-на Лопеса Бургоса 13 июля 1976 года в Буэнос-Айресе, когда он подвергся избиению. Разъяснения государства-участника, что челюсть была сломана во время занятий спортом в тюрьме, по-видимому, противоречат предыдущему заявлению государства-участника о том, что травма произошла до его "*reclusiyn*". В представлении государства-участника от 14 декабря 1979 года термин "*reclusiyn*" первоначально используется для обозначения тюремного заключения, т.е. "*Establecimiento Militar de reclusiyn*". Данный термин вновь встречается в том же документе шестью строками ниже в связи с "*Antecedentes personales anteriores a su reclusiyn*". Комитет склонен считать, что в данном контексте термин "*reclusiyn*" означает тюремное заключение, а не госпитализацию, как утверждает государство-участником в его представлении от 5 мая 1981 года. В любом случае ссылки государства-участника на медицинское заключение не могут рассматриваться как достаточное опровержение обвинений в плохом обращении и пытках.

11.4 В отношении характера судебного разбирательства против Лопеса Бургоса Комитет запросил 24 марта 1980 года у государства-участника копии

любых судебных приказов или решений. Комитет отмечает, что государство-участник не представило ни судебных распоряжений, ни решений.

11.5 Государство-участник также не указывает, какими именно видами “подрывной деятельности” занимался, по его утверждениям, Лопес Бургос, а также не разъясняет, каким образом и когда он начал заниматься этой деятельностью. Если бы государство-участник хотело опровергнуть утверждения автора о том, что Лопес Бургос подвергся преследованиям за участие в профсоюзном движении, оно должно было бы представить конкретную информацию по данному вопросу. Государство-участник не опровергло утверждений автора о том, что г-на Лопеса Бургоса заставили подписать ложное свидетельское показание против самого себя и что это показание было использовано в суде против него. Государство-участник заявило, что г-н Лопес Бургос мог беспрепятственно выбирать для себя адвоката. Однако оно не опровергло свидетельских показаний, в которых указывается, что Лопеса Бургоса и других арестованных вместе с ним лиц [...] заставили согласиться с назначением адвоката *ex officio*.

11.6 Комитет рассмотрел вопрос о том, могут ли действия и обращение, которые *prima facie* не соответствуют Пакту, по каким-либо причинам считаться оправданными в соответствии с Пактом в обстоятельствах данного дела. Правительство Уругвая сослалось на содержащиеся в уругвайском праве положения, касающиеся безотлагательных мер безопасности. Однако Пакт (статья 4) не допускает применения национальных мер, отступающих от каких-либо его положений, за исключением лишь строго определенных обстоятельств, а правительство не сделало в этой связи никаких фактических или правовых представлений. Более того, некоторые упомянутые выше факты затрагивают вопросы, регулируемые такими положениями Пакта, отступление от которых не допускается ни при каких обстоятельствах.

11.7 Комитет по правам человека отмечает, что если срок действия приговора Лопесу Бургосу исчисляется начиная с утверждаемой государством-участником даты ареста – 23 октября 1976 года, – то он должен был истечь 23 апреля 1981 года, в день, когда заключенный должен был быть, соответственно, освобожден.

11.8 Комитет отмечает, что правительство Австрии предоставило Лопесу Бургосу въездную визу. В этой связи и на основании статьи 12 Пакта Комитет отмечает, что Лопесу Бургосу должно быть разрешено, если он пожелает, покинуть Уругвай и выехать в Австрию, к своей жене, которая является автором данного сообщения.

12.1 Комитет по правам человека отмечает далее, что, хотя арест и первоначальное задержание Лопеса Бургоса и плохое обращение с ним имели место, как утверждается, на иностранной территории, ни статья 1 Факультативного протокола (“... от подлежащих его юрисдикции лиц ...”), ни статья 2 (1) Пакта (“... всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам...”) не являются препятствием для рассмотрения Комитетом этих утверждений, а также заявления о последующем незаконном вывозе на

территорию Уругвая, поскольку эти действия были совершены уругвайскими агентами, действовавшими на иностранной территории.

12.2 Содержащееся в статье 1 Факультативного протокола упоминание о “подлежащих его юрисдикции лицах” не наносит ущерба приведенному выше выводу, поскольку в данной статье имеется в виду не место, где произошло нарушение, а скорее взаимосвязь между лицом и государством в отношении нарушений каких-либо прав, предусмотренных в Пакте, независимо от того, где они произошли.

12.3 В соответствии со статьей 2 (1) Пакта государство-участник обязано уважать и обеспечивать права “всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам”; однако это не предполагает, что соответствующее государство-участник не может считаться ответственным за нарушения предусмотренных в Пакте прав, которые совершаются его агентами на территории другого государства либо с молчаливого согласия правительства этого государства, либо без такового. В соответствии со статьей 5 (1) Пакта: “1. Ничто в настоящем Пакте не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа или какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на уничтожение любых прав или свобод, признанных в настоящем Пакте, или на ограничение их в большей мере, чем предусматривается в настоящем Пакте”.

В соответствии с этим было бы несостоятельно толковать ответственность, установленную в статье 2 Пакта, как позволяющую государство-участнику совершать на территории другого государства такие нарушения Пакта, которые оно не могло бы совершать на своей собственной территории.

13. Комитет по правам человека, руководствуясь статьей 5 (4) Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, придерживается мнения, что представленное сообщение свидетельствует о нарушениях Пакта, в частности:

статьи 7 – вследствие обращения (включая пытки), которому подвергся Лопес Бургос, находясь в руках уругвайских офицеров в период с июля по октябрь 1976 года (как в Аргентине, так и в Уругвае);

статьи 9 (1), поскольку акт незаконного вывоза на территорию Уругвая представляет собой произвольный арест и задержание;

статьи 9 (3), поскольку дело Лопеса Бургоса не было передано в суд в течение разумных сроков;

статьи 14 (3) (d), поскольку Лопеса Бургоса заставили признать полковника Марио Родригеса в качестве своего адвоката;

статьи 14 (3) (g), поскольку Лопеса Бургоса заставили подписать заявление о своей виновности;

статьи 22 (1) совместно со статьей 19 (1) и (2), поскольку Лопес Бургос подвергся преследованиям за свою профсоюзную деятельность.

14. Таким образом, Комитет считает, что государство-участник на основании статьи 2 (3) Пакта обязано обеспечить Лопесу Бургосу эффективные средства правовой защиты, включая немедленное освобождение, разре-

ние покинуть Уругвай, а также компенсацию за нарушения, жертвой которых он стал, и принять меры по обеспечению того, чтобы подобные нарушения не повторялись в будущем.

Частное мнение, добавленное к мнениям Комитета по просьбе г-на Кристиана Томушата:

Я согласен с мнением, выраженным большинством. Тем не менее доводы, изложенные в пункте 12 в подтверждение применимости Пакта, а также по отношению к событиям, которые имели место вне пределов территории Уругвая, требуют уточнения и расширения. И действительно, первое предложение пункта 12.3, в соответствии с которым статья 2 (1) Пакта не предполагает, что государство-участник “не может считаться ответственным за нарушения предусмотренных Пактом прав, которые совершаются его агентами на территории другого государства”, сформулировано в слишком общих чертах и потому может привести к вводящим в заблуждение выводам. В принципе, сфера применения Пакта не может быть расширена путем ссылки на статью 5, положения которой предусматривают случаи, когда, как может показаться, формально правила в соответствии с Пактом узаконивают действия, которые существенно противоречат его целям и общему духу. Таким образом, правительства никогда не смогут использовать ограничительные оговорки, дополняющие защищаемые права и свободы в такой степени, что сама сущность этих прав и свобод была бы сведена на нет; индивидуумам на основании законов воспрещается пользоваться такими правами и свободами в целях уничтожения режима законности, что составляет основную идею Пакта. Однако в данном случае в Пакте не предусматривается даже предлога для “права” на совершение таких преступных действий, которые, по убеждению Комитета, были совершены властями Уругвая.

Толкование слов “в пределах его территории” в соответствии с их чисто буквальным смыслом как исключающее какую-либо ответственность за поведение за пределами государственных границ привело бы, однако, к совершенно абсурдным результатам. Данная формулировка была принята для того, чтобы привлечь во внимание объективные трудности, которые могли бы помешать осуществлению Пакта в конкретных ситуациях. Поэтому государство-участник обычно не в состоянии обеспечивать своим гражданам, находящимся за границей, эффективное пользование правами в соответствии с Пактом, имея в своем распоряжении лишь средства дипломатической защиты, возможности которых весьма ограничены. Случаи оккупации иностранной территории представляют собой другой пример ситуаций, которые имели в виду составители Пакта, когда они ограничили данное обязательство государств-участников рамками их собственной территории. Однако для всех этих фактических примеров характерна одна общая черта, которая заключается в том, что они могут быть использованы как благовидный предлог для отказа в защите, предусматриваемой положениями Пакта. Отсюда можно заключить, что намерение составителей, чье суверенное право на принятие решений не может оспариваться, заключалось в том, чтобы ограничить территориальную сферу применения

Пакта ввиду таких ситуаций, когда осуществление Пакта могло бы натолкнуться на исключительные препятствия. Тем не менее, никогда не предусматривалось наделения государств-участников неограниченной дискреционной властью на проведение сознательных и преднамеренных действий, направленных на ущемление свободы и личной неприкосновенности их граждан, проживающих за границей. Следовательно, несмотря на формулировку статьи 2 (1), на события, которые произошли вне пределов Уругвая, распространяется действие Пакта.

11. СООБЩЕНИЕ № 560/1993, А. ПРОТИВ АВСТРАЛИИ

Доклад Комитета по правам человека, том II, GAOR, пятьдесят вторая сессия, Дополнение № 40 (A/52/40), сс. 125-146. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 20 июня 1993 года

Сообщения приняты: 3 апреля 1997 года (сорок девятая сессия)

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автор сообщения от 16 апреля 1993 года является А., гражданин Камбоджи, который в момент подачи сообщения 20 июня 1993 года находился под стражей в Центре Управления по делам иммиграции Порт-Хедленда, Кок-Пойнт, Западная Австралия. Он был освобожден из заключения 27 января 1994 года. Он утверждает, что является жертвой нарушения Австралией пунктов 1, 4 и 5 статьи 9, пункта 1 и подпунктов (b), (c) и (d) пункта 3 статьи 14 вместе с пунктом 1 статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет адвокат. Факультативный протокол вступил в силу для Австралии 25 декабря 1991 года.

Факты, представленные автором

2.1 А., гражданин Камбоджи, 1934 года рождения, прибыл в Австралию на судне под названием “Пендер-Бей” вместе с 25 другими гражданами Камбоджи, в том числе членами его семьи, 25 ноября 1989 года. [...]

2.2 [...] Первоначальное заявление автора с просьбой предоставить ему статус беженца было зарегистрировано 9 декабря 1989 года при содействии переводчика кхмерского языка и сотрудника иммиграционной службы. При подготовке заявления автору не оказывалось никакой юридической помощи. 13 декабря 1989 года автор и другие прибывшие на судне были поодиночке опрошены тем же сотрудником иммиграционной службы. 21 декабря 1989 года автор вместе с другими прибывшими на судне “Пендер-Бей” людьми был направлен в центр для содержания под стражей в Виллауде, Сидней. 27 апреля 1990 года автор был вновь опрошен сотрудниками иммиграционной службы в связи с его апелляцией о предоставлении статуса беженца. Его апелляция была отклонена Комитетом федерального правительства по определению статуса беженца 19 июня 1990 года; о решении Комитета автору сообщено не было. Адвокат отмечает, что в это время ни один из задержанных, прибывших на судне “Пендер-Бей”, ни разу не встречался с юристом.

2.3 После взаимных контактов заинтересованных сторон министр по делам иммиграции разрешил Комиссии по оказанию правовой помощи Нового Южного Уэльса рассмотреть дела прибывших в страну на судне “Пендер-Бей”. [...] Юристы Комиссии впервые посетили автора в Виллавуде в сентябре 1990 года. Комиссия приняла официальные заявления, представленные от его имени, 24 марта и 13 апреля 1991 года, но в связи с введением в декабре 1990 года новых правил деятельности Комитета по определению статуса беженца все апелляции подлежали повторному рассмотрению сотрудниками аппарата Управления по делам иммиграции. 26 апреля 1991 года Комиссии был предоставлен срок в две недели для подготовки материалов о результатах повторного рассмотрения; ответы были представлены 13 мая 1991 года. 15 мая 1991 года представитель министра отклонил апелляцию автора.

2.4 20 мая 1991 года автору и другим задержанным было сообщено, что по их делам были приняты неблагоприятные решения, что им предоставляется 28 дней на подачу апелляции и что их переведут в Дарвин, расположенный в нескольких тысячах километров от Виллавуда – в Северном округе. Им была вручена копия письма с отказом в апелляции, но без перевода на кхмерский язык. В то время задержанные думали, что их возвращают в Камбоджу, им не разрешали разговаривать с другими задержанными, не позволяли звонить по телефону. Вскоре Комиссия по оказанию правовой помощи Нового Южного Уэльса была оповещена о том, что ее юрисдикция более не распространяется на ее недавних клиентов.

2.5 Затем автор был переведен в лагерь Карраганди, в 85 километрах от Дарвина. Это место было охарактеризовано комиссаром австралийской организации по правам человека и равным возможностям как “полностью неприемлемый” центр содержания беженцев под стражей, поскольку в сезон дождей оно становилось зоной наводнений. Однако более серьезным обстоятельством оказалось то, что перевод в Северный округ прервал контакты между автором и Комиссией по оказанию правовой помощи Нового Южного Уэльса.

2.6 11 июня 1991 года Комиссия по оказанию правовой помощи Северного округа представила апелляцию в Комитет по оценке статуса беженца (заменивший Комиссию по определению статуса беженца), в которой просила пересмотреть решение об отказе предоставить статус беженца автору сообщения и другим задержанным, прибывшим на судне “Пендер-Бей”. 6 августа 1991 года автора перевели в лагерь Берримах, расположенный ближе к Дарвину, и оттуда 21 октября 1991 года – в центр содержания Порт-Хедленд, Западная Австралия, находящийся на расстоянии около 2000 километров от прежнего места его пребывания. В результате последнего перевода автор потерял контакт с юристом, представлявшим его интересы в Комиссии по оказанию правовой помощи Северного округа.

2.7 5 декабря 1991 года Комитет по оценке статуса беженца отклонил все апелляции задержанных, прибывших на судне “Пендер-Бей”, о предоставлении им статуса беженца, включая апелляцию автора. Задержанных не информировали об этих решениях до тех пор, пока бывшие представители их интересов в Комиссии по оказанию правовой помощи Нового Южного Уэльса не получили письма, датированные 22 января 1992 года. 29 января Комиссия об-

ратилась к Комитету с письмом, в котором просила пересмотреть принятое им решение и предоставить задержанным, прибывшим на судне “Пендер-Бей”, достаточно времени, чтобы они могли найти юриста, представляющего их интересы, и подготовить ответные замечания по поводу принятого решения.

2.8 В начале 1992 года Федеральное управление по делам иммиграции поручило Совету Австралии по делам беженцев выступить в качестве юридического консультанта, оказывающего правовую помощь ищущим убежища лицам, которые содержались под стражей в Порт-Хедленде. 4 февраля 1992 года юристы Совета приступили к опросу тех, кто содержался в Порт-Хедленде, и 3 марта 1992 года Совет направил представителю министра от имени автора ответ на решение Комитета по оценке статуса беженца. 6 апреля 1992 года автор и несколько других задержанных пассажиров судна “Пендер-Бей” были поставлены в известность, что представитель министра отклонил их апелляции о предоставлении статуса беженца. Немедленно были поданы ходатайства в Управление по делам иммиграции относительно того, чтобы никто из задержанных не был депортирован до тех пор, пока им не будет предоставлена возможность оспорить это решение в Федеральном суде Австралии; в принятии таких мер было отказано. Однако впоследствии, 6 апреля, автор получил судебный запрет Федерального суда Дарвина, который предотвращал выполнение принятого решения. 13 апреля 1992 года министр по делам иммиграции отдал распоряжение аннулировать решение своего представителя на том основании, что в судебном процессе якобы была допущена ошибка. В соответствии с этим решением это дело должно было быть выведено из юрисдикции Федерального суда.

2.9 14 апреля 1992 года слушания в Федеральном суде были прекращены, и юристы Управления по делам иммиграции уверили Суд, что предусмотренный доклад о ситуации в Камбодже будет представлен Совету Австралии по делам беженцев министерством иностранных дел и внешней торговли в двухнедельный срок. Тем временем адвокат автора посоветовал ему продолжать настаивать на рассмотрении его апелляции Федеральным судом, с тем, чтобы добиться освобождения его из-под стражи; слушания по делу были назначены на 7 мая 1992 года в Федеральном суде в Мельбурне.

2.10 5 мая 1992 года австралийский парламент принял поправки к закону о миграции, которые изменили положения Закона о миграции 1958 года; в закон был включен новый раздел 4В, в соответствии с которым автор и другие лица в ситуации, подобной той, в какой оказался автор, квалифицируются как “обозначенные лица”. Статья 54R оговаривает: “Суд не имеет права освобождать из-под стражи обозначенных лиц”. 22 мая 1992 года по настоянию автора начались слушания в Верховном суде Австралии, благодаря которым он рассчитывал добиться деклараторного решения о том, что соответствующие положения поправок к закону о миграции не имеют силы.

2.11 Пересмотренный доклад министерства иностранных дел и внешней торговли, который обещано было представить в конце апреля 1992 года, в окончательном варианте появился только 8 июля 1992 года. 27 июля 1992 года Совет Австралии по делам беженцев представил ответ на этот пересмотр-

ренный вариант доклада Управлению по делам иммиграции, и 25 августа 1992 года Комитет по оценке статуса беженца вновь рекомендовал отклонить апелляцию автора о предоставлении ему статуса беженца. 5 декабря 1992 года представитель министра отказал автору в иске.

2.12 Автор пытался еще раз добиться пересмотра этого решения в Федеральном суде Австралии, и поскольку Управление по делам иммиграции отказалось дать гарантии, что автор не будет немедленно депортирован в Камбоджу, судебный запрет на высылку автора Управлением был получен в Федеральном суде. Между тем своим решением от 8 декабря Федеральный суд аннулировал действие основных разделов поправок к закону о миграции, которые означали, что автор должен был бы оставаться в заключении.

Жалоба

3.1 Адвокат утверждает, что его клиент был задержан “произвольно” по смыслу пункта 1 статьи 9. Он ссылается на Замечание общего порядка по статье 9 Комитета по правам человека, в котором сфера действия статьи 9 распространяется на случаи иммиграционного контроля; он также ссылается на соображения Комитета по сообщению № 305/1988, [*Ван Альфен против Нидерландов*, соображения, принятые 23 июля 1990 года, пункт 5.8], в которых “произвольный характер” был определен не просто как противозаконный, но и как включающий элементы “неуместности, несправедливости и отсутствия предсказуемости”. Ссылаясь на статью 31 Конвенции о статусе беженцев и на вывод № 44 (1986) Исполнительного комитета Программы Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций о задержании беженцев и ищущих убежища лиц, он утверждает, что в соответствии с положениями международных договоров и обычного международного права необходимо, как правило, избегать задержания лиц, ищущих политического убежища. Там, где такое задержание может оказаться необходимым, оно должно быть резко ограниченным [см. вывод № 44, подпункт (b)]. Адвокат [...] отмечает, что в соответствии с австралийским законодательством не все нелегальные иммигранты подлежат задержанию, как и не все лица, ищущие убежища. Те, кто прибывает на границы Австралии без юридически действующей визы, квалифицируются как “нарушающие запрет” и могут быть задержаны в соответствии со статьями 88 и 89 закона о миграции 1958 года. Статья 54В относит лиц, задержанных до или во время прибытия в Австралию, к “лицам, не прошедшим процедуры”. Такие лица не расцениваются как въехавшие в Австралию, и их доставляют в “места прохождения процедур”.

3.2 Автор и другие лица, прибывшие в Австралию до 1992 года, содержались федеральным правительством в соответствии с положением статьи 88 в качестве “лиц, не прошедших процедуры”, до вступления в силу раздела 4В поправок к закону о миграции. Адвокат утверждает, что в соответствии с этими положениями государство-участник ввело более строгий режим для лиц, ищущих убежища, которые прибыли в Австралию по морю, без документов (“люди в лодках”) и которые квалифицируются в соответствии с данным положением. Практическим следствием этой поправки стало автоматиче-

ческое задержание лиц, подпадающих под положения раздела 4В, до тех пор, пока их не высылают из Австралии или они не получают разрешение на въезд.

3.3 Утверждается, что политика государства-участника, которое задерживает “людей в лодках”, является неуместной, несправедливой и произвольной, поскольку ее главная цель состоит в устрашении “людей в лодках” и недопущении таким образом их въезда в Австралию, а также в устрашении тех, кто уже находится в стране и подал ходатайство о получении статуса беженца. Применение нового законодательства квалифицируется как политика “устрашения людей”, в основе которой лежит практика строгого содержания под стражей лиц, ищущих убежища, в таких условиях и в течение столь продолжительного времени, что потенциально ищущие убежища лица принуждаются путем устрашения даже не подавать ходатайство о получении статуса беженца, а те, кто уже является лицом, ищущим убежища, теряют всякую надежду и возвращаются домой.

3.4 Утверждается, что нет каких-либо объективных причин для задержания автора, так же как нет законных оснований для использования в качестве основания для содержания под стражей вывода № 44 (см. пункт 3.1). Далее, срок задержания – 1299 дней, или 3 года и 204 дня, по состоянию на 20 июня 1993 года – квалифицируется как нарушение пункта 1 статьи 9.

3.5 Адвокат также утверждает, что в деле автора был нарушен пункт 4 статьи 9. Вследствие применения положений раздела 4В поправок к закону о миграции предусматривается, что объявление лица “обозначенным лицом” не оставляет никакой альтернативы его заключению, а факт заключения не может быть эффективно рассмотрен в суде, поскольку суды лишены права издавать приказ об освобождении такого лица. Это было признано в письме министра по делам иммиграции, адресованном Постоянному сенатскому комитету по анализу законопроектов, который выразил озабоченность тем, что данная законодательная поправка имела целью лишить “обозначенные лица” доступа в суды для рассмотрения их проблем в свете обязательств Австралии по Пакту. Комиссар Австралии по правам человека также выразил мнение, что недоступность судебных процедур, с помощью которых можно было бы проверить целесообразность или необходимость такого задержания, составляет нарушение пункта 4 статьи 9.

3.6 Далее утверждается, что такие лица, как автор, не имеют эффективного доступа к юридическим консультациям, что противоречит статье 16 Конвенции о статусе беженцев. Тот факт, что лица, подобные автору, в течение долгого времени содержатся под стражей, делает обеспечение им доступа к услугам юристов еще более важной проблемой. В связи с делом автора адвокат утверждает, что государство-участник нарушило пункт 4 статьи 9 и статью 14 в отношении следующих положений:

- а) при подготовке ходатайства о предоставлении статуса беженца;
- б) при лишении доступа к услугам юриста на административном этапе процесса рассмотрения ходатайства о предоставлении статуса беженца;
- в) при лишении доступа к услугам адвокатов на этапе судебного рассмотрения вопроса о предоставлении статуса беженца; в этом контексте отмечается, что частые переводы автора в места содержания под стражей, рас-

положенные на значительном расстоянии от основных городских центров, существенно затруднили предоставление ему юридических консультаций. [...]

3.7 Адвокат утверждает, что серьезные отсрочки, допущенные государством-участником в рассмотрении ходатайства автора о предоставлении ему статуса беженца, представляют собой нарушение подпункта (с) пункта 3 статьи 14, особенно с учетом того обстоятельства, что в течение большей части этого процесса он находился в заключении.

3.8 Утверждается, что, поскольку А. был задержан произвольно, он имеет право на компенсацию в соответствии с пунктом 5 статьи 9 Пакта. Адвокат считает, что под “компенсацией” в этом случае следует понимать “справедливое и адекватное” возмещение нанесенного ему ущерба, и добавляет, что государство-участник исключило из законодательства любое право на компенсацию за незаконное заключение в соответствии с поправкой к закону о миграции. Он отмечает, что в результате решения Верховного суда Австралии по делу А. в Верховном суде начались дальнейшие судебные слушания от имени задержанных пассажиров судна “Пендер-Бей”, включая автора, которые требовали возмещения ущерба в связи с незаконным заключением. 24 декабря 1992 года парламент добавил статьи 54RA(1)–(4) в раздел 4В закона о миграции, что, по мнению адвоката, было прямой реакцией на постановление Верховного суда по делу автора и на сложившуюся ситуацию в связи с неизбежностью подачи новых исков с требованием компенсации за незаконное задержание. Новое положение пункта 3 ограничивает компенсацию за незаконное задержание до символической суммы в 1 доллар за день. [...] Символическая сумма, которая могла бы полагаться автору в соответствии со статьей 54RA раздела 4В, не отвечала бы критериям компенсации, установленным в соответствии с пунктом 5 статьи 9.

3.9 Наконец, адвокат утверждает, что автоматическое задержание “людей в лодках”, прежде всего азиатского происхождения, на единственном основании, что они отвечают критериям раздела 4В закона о миграции 1958 года, является актом дискриминации согласно положению об “ином обстоятельстве”, о котором говорится в пункте 1 статьи 2 Пакта, имея в виду, что “иное обстоятельство” относится к статусу “людей в лодках”.

Замечания государства-участника по вопросу о приемлемости и соответствующие комментарии

4.1 В своем представлении государство-участник, в соответствии с правилом 91 [...] отмечает, что, после того как в декабре 1992 года было принято окончательное решение отклонить ходатайство автора о предоставлении ему статуса беженца, автор продолжал возбуждать судебные дела, имевшие целью оспорить законность этого решения. Содержание под стражей после декабря 1992 года, говорится в представлении, является исключительно следствием судебного иска автора, оспаривающего упомянутое решение. В этом контексте государство-участник напоминает, что в своем письме от 2 ноября 1993 года министр по делам иммиграции предложил автору – в случае его добро-

вольного возвращения в Камбоджу – подать апелляцию о повторном въезде в Австралию через 12 месяцев с постоянной визой согласно категории “оказание специальной помощи”. Государство-участник далее добавляет, что ходатайство жены автора о получении статуса беженца было удовлетворено, что в результате этого 21 января 1994 года автор был освобожден из-под стражи и ему было разрешено остаться в Австралии.

[...]

Рассмотрение дела по существу

9.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей представленной ему информации, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола к Пакту. Следующие три вопроса должны быть рассмотрены по существу:

а) было ли длительное содержание автора под стражей в ожидании предоставления ему права на обретение статуса беженца “произвольным” в контексте пункта 1 статьи 9;

б) были ли предположительно имевшая место невозможность оспорить законность задержания автора и отсутствие доступа к юридическим консультациям нарушениями пункта 4 статьи 9;

с) подпадает ли производство по делу о его заявлении с просьбой предоставить статус беженца под сферу применения пункта 1 статьи 14, и если подпадает, то имело ли место нарушение пункта 1 статьи 14.

9.2 По поводу первого вопроса Комитет напоминает, что понятие “произвольный” не должно отождествляться с понятием “противозаконный”, а должно истолковываться в более широком смысле слова, чтобы оно включало в себя такие элементы, как понятия “неуместный” и “несправедливый”. Кроме того, возвращение под стражу могло бы считаться произвольным, если бы этого не требовали обстоятельства его дела, например задержание в целях предотвращения побега или воздействия на свидетелей: в этом контексте становится уместным элемент пропорциональности. Однако государство-участник пытается обосновать задержание автора тем обстоятельством, что он незаконно прибыл в Австралию и, если он останется на свободе, у него будут мотивы скрыться от властей. Комитет должен решить вопрос, достаточно ли этих оснований для оправдания содержания под стражей, не имеющего правового определения и продолжительного по сроку.

9.3 Комитет согласен с тем, что в данном случае нет оснований для утверждения автора, будто задержание лиц, обращающихся с просьбой об убежище, является *per se* произвольным актом. Комитет не может также найти оснований в поддержку утверждения, что существует норма обычного международного права, в соответствии с которой все подобного рода случаи задержания квалифицируются как произвольные.

9.4 Комитет, однако, отмечает, что любое решение о содержании лица под стражей должно быть открыто для периодических пересмотров, позво-

ляющих оценить основания, которыми оправдывается задержание. В любом случае содержание под стражей не должно продолжаться дольше срока, который государство может надлежащим образом обосновать. Например, факт нелегального въезда в страну может свидетельствовать о необходимости расследования, могут существовать и другие факторы, такие как вероятность побега или нежелание сотрудничать с властями, что может оправдывать задержание на определенный срок. При отсутствии таких факторов задержание может квалифицироваться как произвольное, даже если имел место незаконный въезд в страну. В данном случае государство-участник не представило каких-либо оснований, относящихся к делу автора, которые оправдывали бы его непрерывное содержание под стражей в течение четырех лет; причем за это время его переводили в различные центры содержания под стражей. Поэтому Комитет приходит к выводу, что содержание автора под стражей в течение четырех лет было произвольным по смыслу пункта 1 статьи 9.

9.5 Комитет отмечает, что автор мог в принципе апеллировать к суду с просьбой дать правовую оценку оснований его задержания до вступления в действие поправок к закону о миграции от 5 мая 1992 года; после этой даты внутренние суды сохранили свои полномочия издавать приказы об освобождении того или иного лица из-под стражи, если они установят, что задержание противоречит австралийскому законодательству. В действительности, однако, контроль со стороны судов и их полномочия отдавать приказ об освобождении лица были ограничены возможностью лишь вынести определение о том, принадлежит ли лицо к категории “обозначенное лицо” в контексте поправок к закону о миграции. Если бы соблюдались установленные для такого определения критерии, у судов не было полномочий оценивать факт непрерывного содержания лица под стражей и отдавать приказ о его/ее освобождении. По мнению Комитета, оценка судом правомерности содержания под стражей с точки зрения соответствия пункту 4 статьи 9, которая должна включать возможность издания приказа об освобождении из-под стражи, не ограничивается лишь установлением факта соответствия задержания национальному законодательству. В то время как различные национальные правовые системы могут предусматривать разные методы оценки судом постановления об административном задержании, решающим для целей пункта 4 статьи 9 является то обстоятельство, что такая оценка, с учетом ее последствий, является реальной, а не просто формальной. В соответствии с содержащейся в пункте 4 статьи 9 оговоркой о том, что суды должны иметь полномочия отдавать распоряжение об освобождении, “если задержание незаконно”, Пакт требует, чтобы суд был правомочен издавать приказ об освобождении, если заключение несовместимо с требованиями пункта 1 статьи 9 или другими положениями этого документа. Этот вывод подкрепляется положениями пункта 5 статьи 9, который со всей очевидностью утверждает право на компенсацию за содержание под стражей, являющееся “незаконным” либо в соответствии с национальным законодательством, либо по смыслу положений Пакта. Поскольку факты, представленные государством-

участником по данному делу, свидетельствуют о том, что оценка суда, которой мог воспользоваться А., реально сводилась к формальной констатации очевидного факта, что он действительно является “обозначенным лицом” в значении поправок к закону о миграции, Комитет приходит к заключению, что предусмотренные пунктом 4 статьи 9 права автора на возможность разбирательства обстоятельств его задержания в суде были нарушены.

9.6 Касаясь утверждения автора, что положения пункта 4 статьи 9 предусматривают право на юридическую помощь, для того чтобы имелся доступ к судам, Комитет отмечает на основе имеющихся у него материалов, что автор имел право на юридическую помощь со дня его обращения с просьбой о предоставлении убежища, и получил бы ее, если бы попросил об этом. Действительно, 9 декабря 1989 года автор, ознакомившись с приложением к бланку, который он подписал в тот день, получил информацию о том, что он имеет право на юридическую помощь. Весь текст бланка был зачитан ему на кампучийском, его родном, языке опытным переводчиком. Тот факт, что автор в то время не воспользовался этой возможностью, не может быть поставлен в вину государству-участнику. Впоследствии (по состоянию на сентябрь 1990 года) автор обращался за юридической помощью и всегда получал ее, когда просил об этом. Тот факт, что А. неоднократно переводился из одного центра содержания под стражей в другой, и что ему приходилось менять юристов, представлявших его интересы, не может отвлечь внимание от того обстоятельства, что он снова получал доступ к юридическим консультациям; тот факт, что этот доступ был неудобным – по причине удаленности Порт-Хедленда, – не дает оснований, по мнению Комитета, для постановки вопроса в соответствии с пунктом 4 статьи 9.

9.7 Исходя из обстоятельств дела и с учетом приведенных выше постановлений, Комитет не видит необходимости в рассмотрении вопроса о соответствии дела пункту 1 статьи 14 Пакта.

10. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, приходит к выводу, что факты, установленные Комитетом, свидетельствуют о нарушениях Австралией пунктов 1 и 4 статьи 9 и пункта 3 статьи 2 Пакта.

11. В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта автор имеет право на эффективное средство правовой защиты, что, по мнению Комитета, должно включать адекватную компенсацию за продолжительность срока содержания под стражей, которому был подвергнут А.

[...]

Примечание редактора: Г-н Бхагвати представил особое совпадающее мнение.

12. СООБЩЕНИЕ № 521/1992, ВЛАДИМИР КУЛОМИН ПРОТИВ ВЕНГРИИ

Доклад Комитета по правам человека, том II, GAOR, пятьдесят первая сессия, Дополнение № 40 (A/51/40), сс. 73-83. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 6 мая 1992 года

Соображения приняты: 22 марта 1996 года (пятьдесят шестая сессия)

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является российский гражданин Владимир Куломин, родившийся в Ленинграде в 1954 году и в настоящее время содержащийся под стражей в Будапеште. Он утверждает, что является жертвой нарушения Венгрией его прав человека. Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах вступил в силу для Венгрии 7 декабря 1988 года.

Факты, представленные автором

2.1 Автор проживал в Будапеште по соседству от некоего Д. Т. и его подруги К. Г. 25 июля 1988 года Д.Т. и К.Г. отправились в сопровождении автора в дом к отцу К.Г., поскольку К.Г. заявила, что они должны были взять у ее отца кое-какие документы и что они нуждались в защите со стороны автора, так как ее отец страдал психическим заболеванием. Как только они прибыли, отец К.Г. вышел из дома и, увидев автора, Д.Т. и К.Г., попытался ударить автора. Автор оттолкнул его, и он упал; после этого они связали отца К.Г., поскольку К.Г. и Д.Т. сказали автору, что он опасен и способен на все. После того как К.Г. заявила, что она позвонила в психиатрическую больницу и что оттуда придут, для того чтобы забрать ее отца, автор покинул место происшествия.

2.2 8 августа 1988 года у автора, находившегося в тот момент в Ленинграде, состоялся телефонный разговор с Д.Т. и К.Г. Он заявляет, что в ходе разговора они сообщили ему лишь о том, что отец К.Г. умер, и ничего не сказали ему об обстоятельствах его смерти.

2.3 16 августа 1988 года автор выехал в Будапешт поездом. Через два дня он был арестован на советско-венгерской границе венгерскими полицейскими, которые предъявили ему обвинение в убийстве отца К.Г. и доставили его в Будапешт. Автор утверждает, что ему не было разрешено встретиться со своим адвокатом или советским консулом. После трехдневного допроса ему было предложено подписать в присутствии переводчика какой-то документ. Полиция якобы заявила ему, что этот документ предназначался для советского консула, однако оказалось, что в нем шла речь о продлении срока предварительного содержания под стражей на 30 суток.

2.4 Автор содержался под стражей в полицейском участке в течение пяти месяцев. Он сообщает: “Последние два месяца меня не вызывали на допрос, и я даже подумал, что все обо мне забыли. Это было ужасно. Я не понимал ни слова по-венгерски. В моем багаже был учебник венгерского языка и словари, однако полицейские не разрешили мне изучать венгерский язык.

Каждый день я в письменной форме просил разрешить мне встречу со своим адвокатом и российским консулом, однако никто на мои просьбы не реагировал. Кроме того, в течение пяти месяцев я не имел возможности написать куда-либо письмо". В январе 1989 года автор был переведен в тюрьму, где ему была предоставлена возможность изучать венгерский язык.

2.5 Касаясь вопроса о его юридическом представительстве и подготовке своей защиты, автор сообщает, что до суда он направил несколько писем в государственную прокуратуру. В августе 1989 года ему дали возможность изучать в течение шести дней при содействии переводчика "протоколы" (материалы дела) с целью подготовки защиты. Автор утверждает, что к материалам дела не были приобщены его письма и что у него было слишком мало времени для изучения дела объемом в 600 страниц. Он сообщает, что после изучения документов он впервые встретился со своим адвокатом. Он утверждает, что адвокат был слишком старым и немощным. Он заявляет, что, несмотря на то, что до суда он встречался со своим адвокатом пять раз, каждый раз они начинали просматривать дело с самого начала и что на двенадцатый день после начала суда адвокат вдруг спросил его, а кто же такая эта К.Г.?

2.6 26 сентября 1989 года в муниципальном суде Будапешта началось судебное разбирательство. Автора судили вместе с К.Г. Слушание дела, занявшее в общей сложности 14 дней, растянулось на четыре месяца. Автор утверждает, что никаких доказательств его вины представлено не было. В ходе перекрестного допроса К.Г. меняла свои показания шесть раз, что, по мнению автора, свидетельствует о беспочвенности выдвинутых ею обвинений в его адрес. Кроме того, никто из свидетелей обвинения не привел никаких фактов в доказательство его вины.

2.7 Автор далее заявляет, что в ходе суда судья признал, что Д.Т. вместе с К.Г. вступили в сговор с целью совершения убийства. Он утверждает, что, несмотря на такое заключение, не было предпринято никаких мер ни для поиска Д.Т., ни для вынесения последнему приговора *in absentia*. Автор далее сообщает, что в ответ на его претензии судья сказала ему, что жаловаться он будет в Сибири, и добавила, что ей очень хотелось бы, чтобы он был последним русским в Венгрии. Он заявляет, что дискриминационные высказывания судьи не были включены в протоколы судебного разбирательства, однако были записаны на магнитофон. 8 февраля 1990 года автор был признан виновным в совершении убийства при отягчающих обстоятельствах и приговорен к 10 годам лишения свободы (минимальное наказание, установленное законом за такое преступление) с последующей высылкой из Венгрии.

2.8 Впоследствии автор представил в Верховный суд Венгрии апелляцию [...].

2.9 30 октября 1990 года Верховный суд заслушал апелляцию обвинителя и ответчиков и приговорил автора дополнительно к четырем годам лишения свободы, квалифицировав совершенное автором деяние, за которое он был осужден судом первой инстанции, как преступление, совершенное из корыстных

побуждений. Автор отмечает, что он не обвинялся в совершении ограбления или кражи и что никаких доказательств, уличающих его в этих деяниях, представлено не было. По мнению автора, решение Верховного суда является еще одним доказательством дискриминационного к нему отношения. Кроме того, он утверждает, что Верховный суд не принял во внимание представленную его адвокатом информацию и просто проигнорировал множество противоречий, зафиксированных в материалах судебного разбирательства.

2.10 После этого автор обратился к председателю Верховного суда с ходатайством о пересмотре его дела. 12 декабря 1991 года Верховный суд отклонил ходатайство автора. В этой связи автор отмечает, что все внутренние средства правовой защиты были им исчерпаны.

Жалоба

3. Хотя автор не ссылается на какие-либо положения Международного пакта о гражданских и политических правах, из его представления явствует, что, согласно его утверждениям, он является жертвой нарушения Венгрией статей 9, 10, 14 и 26 Пакта.

[...]

4.1 В своем представлении от 25 марта 1993 года государство-участник отмечает, что [...] Комитет не компетентен рассматривать полученные от отдельных лиц жалобы, в которых идет речь о событиях, имевших место до даты вступления в силу Факультативного протокола для Венгрии. В этой связи государство-участник заявляет, что в силу принципа *ratione temporis* Комитет не правомочен рассматривать претензии автора, касающиеся его ареста и первых нескольких месяцев его содержания под стражей.

4.2 Государство-участник утверждает далее, что [...] ни одно из положений Пакта не запрещает суду первой инстанции свободно изучать факты, установленные в процессе оценки доказательств, формулировать разумные выводы относительно виновности обвиняемого и квалифицировать соответствующие действия на основе установленных фактов. В этой связи государство-участник утверждает, что Комитет не вправе рассматривать жалобу автора в силу принципа *ratione materiae*.

[...]

4.4 Государство-участник признает, что автор исчерпал по своему делу доступные средства правовой защиты. Вместе с тем оно заявляет, что автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты в связи со своей жалобой на то, что тюремные власти препятствовали его контактам с внешним миром. [...]

[...]

6.1 На своей пятидесятой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения.

6.2 Комитет принял к сведению, что Факультативный протокол вступил в силу для Венгрии 7 декабря 1988 года. Он напомнил, что Факультативный протокол не имеет обратной силы и что, согласно принципу *ratione temporis*, Комитет не вправе рассматривать предполагаемые нарушения Пакта, имевшие место до момента вступления в силу Факультативного протокола для соответствующего государства-участника. Он отметил, что в настоящем случае часть событий, касающихся содержания автора под стражей до суда, а также судебного разбирательства по его делу, имела место уже после 7 декабря 1988 года и что, таким образом, Комитет вправе рассматривать претензии автора по статьям 9 и 10, поскольку они относятся именно к этому периоду времени.

6.3 Коснувшись высказанной автором претензии относительно того, что один из подозреваемых по делу не был привлечен к уголовной ответственности и осужден, Комитет отметил, что в Пакте не закреплено право, позволяющее добиваться привлечения другого лица к уголовной ответственности. В этой связи Комитет постановил, что данная часть сообщения является неприемлемой как несовместимая с положениями Пакта по смыслу статьи 3 Факультативного протокола.

6.4 Комитет принял к сведению утверждение автора о том, что он был лишен права на справедливое судебное разбирательство по смыслу статьи 14 Пакта и о дискриминационном к нему отношении по причине его гражданства. Комитет пришел к выводу, что эти вопросы следует рассмотреть по существу.

7. В силу вышеизложенного 16 марта 1994 года Комитет по правам человека принял решение считать сообщение приемлемым в той части, в которой оно дает основания ссылаться на статьи 9, 10, 14 и 26 Пакта.

[...]

8.2 В связи с претензиями автора по пунктам 2 и 3 статьи 9 Пакта государство-участник отмечает, что автора незамедлительно уведомили о мотивах его ареста и что 20 августа 1988 года его поставили в известность о предъявленных ему обвинениях. 22 августа 1988 года в соответствии с венгерским законодательством было издано распоряжение о содержании его под стражей. Допрос автора проводился 29 августа и 5, 14 и 20 сентября 1988 года. 18 ноября 1988 года его поставили в известность о продлении срока содержания под стражей. 19 декабря 1988 года была проведена очная ставка с обвиняемой, и 5 и 6 января 1989 года ему были представлены соответствующие документы. В связи с утверждением автора о том, что в течение двух месяцев “о нем никто не вспоминал”, государство-участник сообщает, что после 20 сентября 1988 года следственные органы проводили расследование по некоторым другим направлениям, поручили ряду экспертов подготовить заключения и опросили около 60 свидетелей. На основании вышеизложенного государство-участник заключает, что следственные органы проводили активную и энергичную работу с целью расследования дела и что никаких нарушений статьи 9 не было. Государство-участник отмечает, что автора содержали под

стражей по причине того, что он являлся иностранцем, поскольку в случае его возвращения на родину он не подлежал бы выдаче в соответствии с заключенным между Венгрией и Советским Союзом соглашением.

8.3 Касаясь претензий по пунктам 1 и 2а статьи 10 Пакта, государство-участник сообщает, [...] что согласно “описи” содержимого багажа автора никаких книг в багаже не было. Равным образом в так называемой книге регистрации просьб задержанных нет никаких упоминаний о просьбе предоставить учебник или словарь. В этой связи государство-участник отмечает, что автор [...] лишь 9 ноября 1988 года просил предоставить ему “разрешение на чтение”, после чего такое разрешение ему было предоставлено. В отношении утверждения автора о том, что ему не разрешали писать письма в течение первых пяти месяцев содержания под стражей, государство-участник заявляет, что, поскольку регистрация переписки заключенных не ведется, представляется затруднительным проверить истинность этого утверждения. Вместе с тем государство-участник отмечает, что в книге регистрации просьб и в уголовном док. автора не зафиксировано никаких просьб или жалоб в связи с правом на переписку, поэтому оно считает маловероятным факт отказа автору в праве на ведение переписки. В заключение государство-участник сообщает, что до суда автор содержался под стражей в качестве задержанного отдельно от осужденных заключенных. В силу вышеизложенного государство-участник констатирует отсутствие каких-либо нарушений статьи 10 в связи с делом автора.

8.4 Касаясь утверждения автора о том, что у него не было достаточно времени для подготовки своей защиты, государство-участник отмечает, что адвокат автору был назначен 20 августа 1988 года и что из книги регистрации просьб следует, что автор обращался с просьбой о встрече с адвокатом 30 сентября и 13 октября 1988 года и что каждый раз об этом оповещали адвоката. Кроме того, в советское консульство были препровождены просьбы автора от 23 августа и 30 сентября 1988 года о встрече с консулом.

8.5 Касаясь утверждения автора о том, что у него не было достаточно времени для изучения документов с целью подготовки своей защиты, государство-участник сообщает, что шестидневный срок, который был предоставлен автору для изучения документов, нельзя считать слишком коротким и что сам автор или его адвокат могли ходатайствовать о продлении этого срока. Касаясь претензии относительно квалификации адвоката, государство-участник обращает внимание на отсутствие каких-либо свидетельств того, что автор высказывал какие-либо жалобы в связи с некомпетентностью своего адвоката или недостаточной его подготовленностью.

[...]

8.7 [...] В этой связи государство-участник ссылается на правила протоколирования серьезных уголовных дел, в соответствии с которыми в ходе слушания судья обязан четко диктовать на магнитофон предназначенные для протокола сведения и что ответчик и его адвокат имеют право в любое время комментировать

диктовку судьи и ходатайствовать о внесении в протокол иной информации в дополнение к той, которая была надиктована судьей. [...] Из материалов дела явствует, что ни автор, ни его адвокат не требовали включения в протокол сделанных судьей замечаний и не высказывали никаких предложений или замечаний в связи с письменным протоколом или стенографическим отчетом. На основании вышеизложенного государство-участник указывает на отсутствие каких-либо фактов, свидетельствующих о том, что судья действительно делала приписываемые ей замечания. Кроме того, [...] на любом этапе судебного разбирательства председателю суда может быть заявлен протест по поводу явно предвзятой позиции какого-либо из судей. Однако ни автор, ни его представитель с таким протестом не выступали. На основании вышеизложенного государство-участник отрицает, что автор явился жертвой дискриминации со стороны судьи.

[...]

10.1 В вербальной ноте от 4 декабря 1995 года государству-участнику было предложено представить дополнительные сведения о процедурах ареста и задержания, действовавших на момент ареста г-на Куломина, и их применении к автору. В представлении от 28 февраля 1996 года государство-участник поясняет, что в 1988 году правила ареста и задержания регулировались на основе статьи 91 Уголовно-процессуального кодекса, в соответствии с которой лица, подозреваемые в совершении какого-либо тяжкого преступления, могли содержаться под стражей в полицейском учреждении не более 72 часов. По истечении 72 часов задержание могло быть продлено лишь по решению прокурора или суда. Государство-участник поясняет, что до предания подозреваемого суду прокурор правомочен продлять его содержание под стражей, а после начала суда это право переходит к суду первой инстанции. Срок заключения под стражу до суда по решению прокурора не может превышать одного месяца, однако может быть продлен по распоряжению прокурора более высокой инстанции. Если по истечении одного года содержания под стражей до суда судебное разбирательство в отношении соответствующего лица так и не было начато, то решение о его дальнейшем заключении может быть принято лишь судом.

10.2 Касясь вопроса о применении этих положений к г-ну Куломину, государство-участник отмечает, что автор был арестован 20 августа 1988 года и что 22 августа 1988 года государственная прокуратура Будапешта санкционировала его задержание на срок, не превышающий установленные законом 72 часа. Срок задержания продлялся целым рядом прокуроров в соответствии с решениями от 14 сентября 1988 года, 11 ноября 1988 года, 17 января 1989 года, 8 февраля 1989 года, 17 апреля 1989 года и 17 мая 1989 года. После предания автора суду в мае 1989 года 29 мая 1989 года суд продлил срок его содержания под стражей до вынесения судом окончательного решения. Государство-участник заключает, что примененная процедура соответствовала венгерскому законодательству, как этого требует пункт 1 статьи 9 Пакта [...].

10.3 [...] Государство-участник напоминает, что Факультативный протокол вступил в силу для Венгрии 7 декабря 1988 года, т.е. после ареста авто-

ра, который был произведен 20 августа 1988 года. Государство-участник утверждает, что вытекающее из пункта 3 статьи 9 Пакта обязательство обеспечить в срочном порядке доставку автора к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, подлежит осуществлению именно с этой даты. [...] [Г]осударство-участник приходит к выводу о том, что возможность применения пункта 3 статьи 9 ограничивается по времени и, в случае с автором, истекает где-то в августе 1988 года. По мнению государства-участника, соблюдение или несоблюдение обязательства, предусмотренного пунктом 3 статьи 9, не имеет никаких продолжительных последствий, и [...] рассмотрение вопроса о соответствии задержания г-на Куломина требованиям пункта 3 статьи 9 является неприемлемым в силу принципа *ratione temporis*.

10.4 Загравивая вопрос о соответствии этой процедуры требованиям пункта 3 статьи 9, государство-участник толкует термин “другие должностные лица, которым принадлежит по закону право” как обозначающий должностных лиц, обладающих, аналогично суду, независимостью от исполнительных структур. В этой связи государство-участник отмечает, что, согласно законодательству, действовавшему в Венгрии в 1988 году, Генеральный прокурор выбирался парламентом и был подотчетен парламенту. Все остальные прокуроры находились под его началом. В силу вышеизложенного государство-участник заключает, что существовавшая в то время структура прокурорского надзора не была никоим образом связана с исполнительной властью и действовала независимо от нее. В этой связи государство-участник утверждает, что прокуроры, принимавшие решения о продолжении срока содержания г-на Куломина под стражей, могут быть отнесены к категории других должностных лиц, которым по смыслу пункта 3 статьи 9 принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, и что, таким образом, никакого нарушения Пакта не было.

[...]

11.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами, как того требует пункт 1 статьи 5 Факультативного протокола.

11.2 Комитет принял к сведению выдвинутый государством-участником аргумент о неприемлемости для рассмотрения в силу принципа *ratione temporis* вопроса о том, был ли автор после ареста в срочном порядке доставлен к судье или другому должностному лицу, имеющему по закону право осуществлять судебную власть. Вместе с тем Комитет отмечает, что смысл первой фразы пункта 3 статьи 9 заключается в обеспечении судебного контроля над задержанием лица, обвиняемого в совершении уголовного преступления. Несоблюдение этой нормы при возбуждении процедуры задержания какого-либо лица влечет за собой нарушение пункта 3 статьи 9, которое может быть прекращено путем применения соответствующих мер правовой защиты. Автор содержался под стражей в режиме предварительного заключе-

ния до начала судебного разбирательства в мае 1989 года. На основании вышеизложенного Комитет заключает, что принцип *ratione temporis* не может препятствовать рассмотрению им вопроса о том, соответствовал ли режим содержания автора под стражей положениям пункта 3 статьи 9.

11.3 Комитет отмечает, что после ареста автора 20 августа 1988 года было издано распоряжение о его заключении под стражей до суда, срок которого по решению прокурора несколько раз продлялся до тех пор, пока автор не предстал перед судьей 29 мая 1989 года. Комитет считает, что обязательным элементом, необходимым для надлежащего исполнения судебной власти, является проведение разбирательства по соответствующему делу независимым, объективным и беспристрастным органом. С учетом обстоятельств данного дела Комитет не удовлетворяет выдвинутый государством-участником аргумент, что государственный прокурор может обладать необходимой объективностью и беспристрастностью для того, чтобы рассматривать его по смыслу пункта 3 статьи 9 в качестве “должностного лица, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть”.

11.4 Автор далее утверждает, что во время нахождения под стражей в полицейском учреждении он был лишен возможности изучать венгерский язык и не имел права переписываться со своей семьей и друзьями. Государство-участник опровергает эти утверждения, заявляя, что автор обратился с просьбой разрешить ему чтение 9 ноября 1988 года, после чего эта просьба была удовлетворена, и что не имеется никаких свидетельств того, что автор обращался с какими-либо просьбами, касающимися переписки, хотя регистрация переписки заключенных не ведется. С учетом вышеизложенного Комитет заключает, что представленные ему факты не свидетельствуют о том, что автор является жертвой нарушения статьи 10 Пакта.

11.5 В отношении претензии автора по статье 14 Пакта Комитет отмечает, что адвокат был назначен автору 20 августа 1988 года, что автор просил разрешить ему встретиться со своим адвокатом, что, согласно утверждению государства-участника, адвокат был поставлен в известность о просьбах автора и что, согласно заявлениям автора, он так и не встретился со своим адвокатом. Комитет далее отмечает, что остается неясным, когда автор впервые встретился со своим адвокатом, однако из материалов дела следует, что до начала суда над ним автор несколько раз встречался со своим адвокатом. Кроме того, Комитет отмечает, что автору была предоставлена возможность изучить при содействии переводчика материалы дела для целей подготовки своей защиты и что не имеется никаких свидетельств того, что в этой связи он высказывал венгерским властям какие-либо претензии. Что касается его представительства в суде, то автор не высказывал никаких конкретных жалоб по поводу каких-либо ошибок адвоката в процессе защиты, равным образом из материалов дела не следует, что адвокат не сумел обеспечить надлежащее представительство автора. С учетом вышеизложенных обстоятельств Комитет заключает, что представленные ему факты не свидетельствуют о том, что у автора не было достаточно времени и средств для подготовки своей защиты. Равным образом имеющаяся у Комитета информация

не позволяет ему прийти к выводу, что адвокат автора не сумел обеспечить его эффективное представительство в интересах отправления правосудия.

11.6 Автор далее утверждает, что судья в суде первой инстанции предвзято к нему относилась, что конкретно проявилось в дискриминационном к нему отношении по признаку гражданства. Комитет отмечает, что в решении суда первой инстанции отсутствуют какие-либо признаки предвзятости со стороны судьи. Кроме того, в ходе судебного разбирательства автор и его представитель не высказывали никаких возражений в связи с действиями судьи. С учетом вышеизложенных обстоятельств Комитет заключает, что у автора нет никаких оснований для утверждений о том, что он явился жертвой дискриминации по признаку гражданства.

11.7 Касаясь вопроса об апелляции, автор утверждает, что Верховный суд ужесточил вынесенный ему приговор, посчитав, что он действовал из корыстных побуждений, тогда как ему никогда не предъявлялись обвинения в ограблении или воровстве. Вместе с тем Комитет отмечает, что из материалов суда явствует, что в действительности автора обвиняли в совершении убийства при отягчающих обстоятельствах и из корыстных побуждений. Хотя суд первой инстанции признал его виновным лишь в убийстве при отягчающих обстоятельствах, Верховный суд пересмотрел это решение и признал автора виновным в совершении убийства при отягчающих обстоятельствах и из корыстных побуждений. Комитет далее отмечает, что председатель Верховного суда пересмотрел осуждение и приговор, вынесенный Верховным судом автору. В силу вышеизложенного Комитет заключает, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении Пакта в связи с апелляцией автора.

11.8 Пользуясь представившейся возможностью, Комитет вновь обращает внимание на то, что оценка фактов и доказательств по конкретному уголовному делу не входит в обязанности Комитета, а является прерогативой судов соответствующих государств-участников и что Комитет не может давать оценку по вопросу о виновности или невиновности того или иного лица. Такое правило не применяется лишь тогда, когда из представленной в Комитет информации явно следует, что соответствующие решения судов являются произвольными или равносильны отказу в правосудии. Что касается настоящего дела, то в находящихся на рассмотрении Комитета письменных представлениях отсутствуют какие-либо факты, которые позволяли бы ему сделать такое заключение.

12. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что факты, которыми он располагает, свидетельствуют о нарушении пункта 3 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах.

13. В соответствии с пунктом 3а статьи 2 Пакта г-н Куломин имеет право на эффективное средство правовой защиты. Государство-участник обязано не допускать повторения аналогичных нарушений в будущем.

[...]

Примечание редактора: В своем особом мнении г-н Андо заявил, что он не может согласиться с категорическим утверждением Комитета о том, что деятельность государственного прокурора не предполагает необходимой объективности и беспристрастности для того чтобы считать его должностным лицом, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть. По его мнению, Комитет должен был выяснять конкретные обстоятельства настоящего дела, побудившие его сформулировать такое заключение по этому вопросу.

13. СООБЩЕНИЕ № 265/1987, АНТТИ ВУОЛАННЕ ПРОТИВ ФИНЛЯНДИИ

Доклад Комитета по правам человека, GAOR, сорок четвертая сессия, Дополнение № 40 (A/44/40), сс. 249-258. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 31 октября 1987 года

Соображения приняты: 7 апреля 1989 года (тридцать пятая сессия)

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автор сообщения [...] является Антти Вуоланне, гражданин Финляндии, возраст 21 год, проживающий в Пори, Финляндия. Он утверждает, что является жертвой нарушения правительством Финляндии пунктов 1-3 статьи 2, статьи 7 и пункта 4 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет адвокат.

2.1 Автор сообщает, что начал прохождение военной службы 9 июня 1987 года. Исполнение служебных обязанностей якобы вызвало у него тяжелое психическое расстройство, и после выписки из военного госпиталя в начале июля 1987 года он понял, что не может продолжать службу в качестве пехотинца. Не имея возможности обсудить этот вопрос с командиром своего подразделения, он решил 3 июля самовольно покинуть гарнизон, поскольку помнил о судьбе своего брата, который годом раньше покончил жизнь самоубийством в аналогичной ситуации. Увольнительная автора в выходные дни должна была начаться в полдень 4 июля и закончиться в полночь 5 июля. 5 июля он вернулся в военный госпиталь и попросил разрешения встретиться с врачом, однако ему посоветовали вернуться в свою роту, которую он вновь покинул без разрешения сразу же после того, как отметил о возвращении. 7 июля, по совету капеллана, он вернулся в свое подразделение и после беседы с врачом был отправлен в военный госпиталь. Позднее он решил добиваться перевода в небоеое подразделение вооруженных сил и был в такое подразделение переведен.

2.2 14 июля ему было назначено в качестве дисциплинарной меры наказания 10 суток ареста по месту прохождения службы, что означало содержание под стражей на гауптвахте с освобождением от несения служебных обязанностей. Автор заявляет, что перед тем, как был отдан приказ об аресте, его никто не заслушал и он был немедленно заключен под стражу. В этот момент он еще не знал о своей возможности прибегнуть к одному из средств правовой защиты. Попав на гауптвахту, он узнал, что в Законе о военном дисциплинарном судопроизводстве предусматривается возможность пересмотра наказания военным дол-

жностным лицом более высокого ранга после подачи так называемого “ходатайства о пересмотре”. В тот же день такое ходатайство было подано [...]. Ходатайство основывалось на том, что наказание является неразумно суровым (в частности автор был наказан за то, что покинул свою часть без разрешения на период более четырех дней, хотя 36 часов этого периода приходились на его увольнительную в выходные дни, а его короткое возвращение в гарнизон было расценено в качествеотягчающего обстоятельства; причина же, побудившая его принять решение покинуть часть, вовсе не была принята во внимание).

2.3 Автор заявляет, что после представления им вышестоящему начальнику письменного ходатайства, указанное наказание было подтверждено решением от 17 июля 1987 года без заслушивания. Согласно утверждениям автора, других внутренних средств правовой защиты финские законы не предусматривают, поскольку в статье 34 Закона о военном дисциплинарном судопроизводстве имеется конкретное положение о запрещении подачи апелляции против решения вышестоящего начальника.

2.4 Автор подробно характеризует действующий в рамках финского законодательства Закон о военном дисциплинарном судопроизводстве, который регулируется главой 45 Уголовного кодекса 1983 года. Оставление (части) без разрешения рассматривается как самовольная отлучка и наказуемо либо в дисциплинарном порядке, либо тюремным заключением на срок до шести месяцев. Военный арест (арест по месту прохождения службы) является наиболее суровым видом дисциплинарного наказания. Максимальный срок ареста в порядке дисциплинарного наказания равняется 15 суткам. Такой арест может быть предписан только командиром подразделения или вышестоящим начальником, причем только командующий соединением имеет право отдавать приказ об аресте на срок более 10 суток.

2.5 Если арест назначается в порядке дисциплинарного наказания, то подача апелляции в гражданские органы правосудия невозможна. [...] Единственным имеющимся средством правовой защиты является подача ходатайства о пересмотре на имя вышестоящего начальника. Автор утверждает, что направление ходатайства на имя вышестоящего начальника или парламентского омбудсмана в данном случае не является эффективным средством правовой защиты, поскольку они не могут изменить положение наказанного лица. Так, омбудсмен не может распорядиться об освобождении находящегося под арестом лица, даже если он своевременно получит от него ходатайство и установит, что задержание является незаконным.

2.6 Что касается военного ареста, которому он подвергся, то автор заявляет “об очевидности того, что арест в финской армии, осуществляемый в форме содержания под стражей по месту прохождения службы и налагаемый в качестве дисциплинарной меры наказания, представляет собой лишение свободы, подпадающее под определение “ареста или задержания”, приведенное в пункте 4 статьи 9 Пакта”. Он сообщает, что отбывал наказание в два этапа в камере размером 2 x 3 метра. В камере имелось крошечное окно, а из мебели были только походная кровать, небольшой стол и стул. Камера освещалась тусклой электрической лампоч-

кой. Ему разрешалось выходить из камеры только для принятия пищи, отправления естественных надобностей и совершения ежедневной получасовой прогулки. Ему было запрещено говорить с другими заключенными или шуметь в камере. Он утверждает, что изоляция была почти полной. Кроме того, автор сообщает, что, пытаясь каким-то образом облегчить свои страдания, он начал вести личные записи о его отношениях с лицами, близкими ему и что однажды ночью охранники забрали у него эти записи и читали их друг другу. Только после того, как он потребовал встречи с различными начальниками, эти записи были ему возвращены.

2.7 И, наконец, автор считает, что десять суток содержания под стражей по месту службы является неразумно суровым наказанием за совершенный им проступок. В частности, он протестует против того, что мотивы, побудившие его совершить временную отлучку, совершенно не были приняты во внимание, хотя, как он утверждает, Уголовный кодекс Финляндии предусматривает соответствующие положения. По мнению автора, возможность обратиться в суд или в другой независимый орган могла бы дать реальный результат, поскольку в этом случае он мог бы, по меньшей мере, надеяться на смягчение наказания.

[...]

4. В своем представлении от 28 июня 1988 года в соответствии с правилом 91 государство-участник не возражает против приемлемости сообщения [...].

[...]

5.2 18 июля 1988 года Комитет постановил считать данное сообщение приемлемым. [...]

[...]

6.2 Что касается фактических обстоятельств дела, государство-участник утверждает, что:

“Г-н Вуоланне был заслушан 8 июля 1987 года в ходе предварительного разбирательства его отлучки в подразделении с 3 по 7 июля 1987 года. Военный юрисконсульт военного округа юго-западной части Финляндии представил свое письменное заявление вышестоящему должностному лицу 10 июля 1987 года. Решение командира подразделения было вынесено 13 июля 1987 года; в нем говорилось, что г-н Вуоланне был признан виновным в том, что он находился в самовольной отлучке [...] и наказан десятью сутками строгого одиночного заключения.

Г-н Вуоланне был информирован об этом решении 14 июля 1987 года. Подписывая уведомление, он тем самым в письменной форме удостоверил, что согласен на немедленное приведение в силу наказания. Вследствие этого, помещение под строгий арест было приведено в исполнение в тот же день, т.е. 14 июля 1987 года. Поскольку г-н Вуоланне был информирован о данном решении, он также получил копию этого решения, причем в нем четко и недвусмысленно были изложены инструкции о том, каким образом это решение может быть обжаловано посредством ходатайства о пересмотре. Ходатайство, представленное г-ном Вуоланне 15 июля 1987 года, было немедлен-

но рассмотрено командиром группы подразделений, и он решил, что не было необходимости в изменении наложенного дисциплинарного наказания. [...]”.

6.3 Что касается применимости положений пункта 4 статьи 9 Пакта к фактам, изложенным в данном деле, государство-участник утверждает:

“[...] Финские власти считают, что пункт 4 статьи 9 Пакта о гражданских и политических правах не применяется к заключению под стражу на основе военного судопроизводства ...

В своем Замечании общего порядка № 8 (16) от 27 июля 1982 года Комитет, касаясь статьи 9, выделил некоторые виды содержания под стражей, которые охватываются пунктом 4 статьи 9. В нем перечисляются случаи содержания под стражей на таких основаниях, как “психическое заболевание, бродяжничество, наркомания, воспитательные цели, иммиграционный контроль и т.д.”. Весьма примечательно, что Комитет в этом перечне не упоминает лишение свободы на основании военного дисциплинарного судопроизводства. Общим для видов задержания, перечисленных Комитетом, является то, что они влекут за собой возможность длительного, не ограниченного по времени содержания под стражей. Кроме того, в большинстве случаев эти виды содержания под стражей четко не регулируются, однако характер содержания под стражей зависит от его цели (лечение болезни, например) и подразумевает широкий круг дискреционной власти со стороны задерживающего органа. Однако это разительно отличается от процесса содержания под стражей на основании военного дисциплинарного судопроизводства, в рамках которого основания для содержания под стражей, продолжительность и характер содержания под стражей четко предусматриваются в военном законодательстве. В случае если военные органы преступают границы, предусмотренные законом, обычным средством исправления положения является обжалование через суд. [...]

Именно в этом случае должностное лицо – командир, – выступает в судебном, или по крайней мере квазисудебном, качестве, когда он на основании военного дисциплинарного судопроизводства отдает приказ о взятии под стражу. Подобным же образом, рассмотрение ходатайства о пересмотре является сравнимым с судебной процедурой апелляции. Как разъяснялось, условия и характер осуществления военного дисциплинарного содержания под стражей четко предусматриваются законом. Дискреционное право, которое они подразумевают, является по объему значительно меньшим, чем дискреционное право в некоторых из случаев, перечисленных Комитетом. В этом отношении необходимость судебного контроля, если он вообще не является излишним, значительно меньшая при военном дисциплинарном судопроизводстве, чем при содержании под стражей, скажем, на основании психического заболевания.” [...]

6.4 Что касается утверждений автора относительно нарушений статьи 7 Пакта, государство-участник отмечает:

“[...] что 10 суток строгого ареста сами по себе не являются видом наказания, запрещенного статьей 7; оно не подпадает под определение “жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращения или наказания”.

[...] Что представляет собой “унижающее достоинство обращение” (или “унижающее достоинство наказание”), нигде четко не определяется. На практике случаи, которые, как представляется, носят характер “унижающего достоинство обращения”, обычно касаются в какой-то степени телесного наказания. Г-н Вуоланне не утверждает, что он подвергался такому наказанию... Вопрос остается открытым, следует ли считать заключение г-на Вуоланне заключением *incommunicado*, которое по смыслу Замечания общего порядка № 7 (16) Комитета, является нарушением статьи 7. Этот вопрос, по мнению Комитета, должен быть определен на основе соответствующей контекстуальной оценки. В данном случае на основе контекстуального критерия нельзя считать, что содержание под стражей г-на Вуоланне носило характер “унижающего достоинство обращения или наказания”. Во-первых, конечно, содержание г-на Вуоланне под стражей продолжалось лишь сравнительно короткий период времени (10 суток), и даже этот период был разбит на два периода – в 8 и затем в 2 суток. Во-вторых, его заключение не было тотальным. [...] В-третьих, не было официального запрета на его корреспонденцию; тот факт, что караульные, возможно, и нарушили свои обязанности тем, что читали его письма, не влечет за собой какого-то нарушения со стороны правительства Финляндии. Конечно, г-н Вуоланне мог бы обжаловать обращение с ним со стороны караульных. Однако, как представляется, он не представил какой-то официальной жалобы. [...]”

7.1 В своих комментариях 25 февраля 1989 года адвокат автора утверждает, в частности, что если Комитет считает недостаточными свидетельства, представленные г-ном Вуоланне для обоснования нарушения статьи 7, то статья 10 могла бы быть уместной. Он далее утверждает, что государство-участник заблуждается, утверждая, что поведение караульных г-на Вуоланне не касается ответственности правительства. Он указывает, что караульные являются “лицами, действовавшими в официальном качестве” в рамках значения пункта 3 (а) статьи 2 Пакта. [...]

7.2 В отношении пункта 4 статьи 9 автор [...] отмечает, что [...], в соответствии с [...] Замечанием общего порядка [№ 8 (16)], пункт 4 статьи 9 “применяется в отношении всех лиц, лишенных свободы в результате ареста или заключения под стражу”. Он далее утверждает:

“Военное заключение является наказанием, решение в отношении которого может быть принято либо судом, либо на основе военного дисциплинарного судопроизводства. Срок такого наказания является сопоставимым с самыми короткими сроками тюремного заключения на основании обычного уголовного права (минимальный срок заключения в Финляндии составляет 14 суток) и превышает срок предварительного заключения до суда, допустимый в свете положений Пакта. Это свидетельствует об отсутствии существенного различия между этими формами содержания под стражей с точки зрения потребности заключенного в защите. [...]”

Затем автор приводит следующие комментарии для демонстрации того, что финская военная дисциплинарная процедура не соответствует также требованиям пункта 3 статьи 2:

“(а) По заявлению государства-участника, “нормальные способы обжалования в судебном порядке остаются открытыми в случае, если военные власти переходят границы, установленные законом”. Это заявление вводит в заблуждение. У человека, получившего наказание в виде военного ареста, нет никакой возможности поставить перед судом вопрос о законности такого ареста. В принципе, обжаловать можно только поведение соответствующих военных властей. Это означало бы возбуждение гражданского иска в суде, а не какой-либо процедуры “обжалования”. Этот тип процедуры никоим образом не является “нормальным”, и даже если бы такой иск был подан, суд не мог бы издать приказ об освобождении жертвы;

(b) [...] Командир подразделения, который вынес решение о строгом одиночном заключении, и другой командир, рассматривавший ходатайство о пересмотре этого решения, не выступают в “судебном или по крайней мере квазисудебном качестве”. У этих командиров нет юридического образования. В процедуре отсутствуют даже самые элементарные требования судебного процесса: заявителя не заслушивают и окончательное решение принимает не независимое лицо, а лицо, которое до вынесения решения о наказании получило определенные консультации. [...]”

[...]

8. Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей письменной информации, представленной ему сторонами в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола. Факты по делу не оспариваются.

9.1 Автор сообщения заявляет, что имели место нарушения пунктов 1 и 3 статьи 2, статьи 7, пункта 4 статьи 9 и статьи 10 Пакта.

9.2 Комитет напоминает, что статья 7 запрещает применение пыток и жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения. Он отмечает, что оценка действий, составляющих бесчеловечное или унижающее достоинство обращение по смыслу статьи 7 зависит от всех обстоятельств дела, таких как продолжительность и манера обращения, его последствия для физического или психического здоровья, а также пол, возраст и состояние здоровья жертвы. Тщательное изучение настоящего сообщения не привело к обнаружению каких-либо фактов в поддержку заявлений автора о том, что он является жертвой нарушения прав, закрепленных в статье 7. никоим образом сильная боль или страдания, физические или психические, не причинялись Антти Вуоланне по наущению или при попустительстве официального лица; не представляется также, что одиночное заключение автора, учитывая его строгость, продолжительность и преследуемую цель, имело какие-либо пагубные последствия для его физического или психического здоровья. Более того, не было установлено, что г-н Вуоланне пострадал от каких-либо унижений или что его достоинство было задето, помимо неудобства, присущего дисциплинарной мере, которая была применена по отношению к нему. В этом отношении Комитет выражает свою точку зрения о том, что для признания наказания унижающим достоинство, унижение, о кото-

ром идет речь, должно превышать определенный уровень и должно, в любом случае, включать другие элементы, кроме одного лишь факта лишения свободы. Кроме того, Комитет пришел к выводу о том, что представленные факты не подтверждают заявлений г-на Вуоланне относительно того, что во время заключения с ним обращались негуманно или без уважения достоинства, присущего человеческой личности, как требуется в соответствии с пунктом 1 статьи 10 Пакта.

9.3 Комитет отметил заявление государства-участника о том, что дело г-на Вуоланне не подпадает под сферу действия пункта 4 статьи 9 Пакта. Комитет считает, что ответ на этот вопрос следует искать со ссылкой на точные формулировки Пакта, а также на его цель. Он отмечает, что, в качестве общего заявления, Пакт не содержит какого-либо положения об исключении из сферы его применения определенных категорий лиц. В соответствии с пунктом 1 статьи 2, “каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте, без какого бы то ни было различия, как то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства”. Всеобъемлющий характер формулировки этой статьи не оставляет никакой возможности для проведения разграничений между различными категориями лиц, такими как гражданские и военные лица, до такой степени, чтобы можно было считать Пакт применимым в одном случае, но неприменимым в другом. Более того, в *travaux préparatoires*, а также в замечаниях общего порядка Комитета указывается, что цель Пакта состоит в провозглашении и определении ряда прав человека для всех людей, и в гарантии их соблюдения. Поэтому ясно, что Пакт не может и не должен пониматься с точки зрения того, чьи права должны защищаться, но его следует понимать с точки зрения того, какие права должны гарантироваться, и в каком объеме. Следовательно, в настоящем деле нельзя исключить применение пункта 4 статьи 9.

9.4 Комитет считает, что для лиц, находящихся на военной службе, является вполне нормальным, если они подвергаются ограничениям их свободы передвижения. Само собой разумеется, что это не подпадает под сферу действия пункта 4 статьи 9. Кроме того, Комитет считает, что дисциплинарное наказание или мера, которая может рассматриваться как лишение свободы в результате содержания под стражей, если применяется к гражданскому лицу, может не рассматриваться как таковая, когда налагается на военнослужащего. Тем не менее, такое наказание или такая мера может подпадать под сферу применения пункта 4 статьи 9, если она принимает форму налагаемых ограничений, выходящих за пределы обычных требований военной службы, и отличается от нормальных условий жизни в структуре вооруженных сил соответствующего государства-участника. Для того чтобы определить обоснованность таких утверждений, необходимо принимать во внимание целый ряд факторов, таких, как характер, продолжительность, влияние или характер приведения в исполнение упоминаемого наказания или меры.

9.5 В ходе осуществления дисциплинарных мер, наложенных на г-на Вуоланне, он был отстранен от выполнения своих обычных обязанностей и должен был постоянно находиться в течение 10 суток в камере размером 2 x 3 метра. Ему разрешалось выходить из камеры лишь для принятия пищи, в туалет и для совершения ежедневной получасовой прогулки. Ему было запрещено говорить с другими заключенными под стражу или шуметь в камере. Его корреспонденция и личные записки прочитывались. Он отбывал свое наказание точно так же, как заключенный. Наложение на автора сообщения наказание было чрезмерно продолжительным, приближающимся к минимальному сроку тюремного заключения, который может быть вынесен на основании финского уголовного законодательства. В свете этих обстоятельств Комитет считает, что такой характер одиночного заключения в камере на 10 суток сам по себе необычен для повседневной службы и выходит за пределы ограничений, присущих военному образу жизни. Данное конкретное дисциплинарное наказание привело в какой-то степени к социальной изоляции, обычно связанной с арестом и содержанием под стражей по смыслу пункта 4 статьи 9. Поэтому оно должно рассматриваться как лишение свободы в результате заключения под стражу по смыслу пункта 4 статьи 9. В этой связи Комитет напоминает о своем Замечании общего порядка № 8, согласно которому статья 9, за исключением тех частей, которые относятся к уголовным обвинениям, является применимой ко всем случаям лишения свободы, будь то уголовные дела или в других случаях, таких, например, как психическое заболевание, бродяжничество, наркомания, воспитательные цели или иммиграционный контроль. Комитет не может согласиться с утверждением государства-участника о том, что поскольку содержание под стражей в порядке военного дисциплинарного наказания четко регулируется законом, то нет необходимости прибегать к правовым или процедурным гарантиям, предусмотренным в пункте 4 статьи 9.

9.6 Комитет далее отмечает, что, когда решение о лишении какого-либо лица свободы принимается административным органом или властью, нет сомнения в том, что пункт 4 статьи 9 обязывает государство-участника обеспечивать задержанному лицу право обращения в суд. В данном конкретном случае не имеет значения, каким должен был бы быть суд – гражданским или военным. Комитет не может согласиться с утверждением государства-участника о том, что ходатайство о пересмотре, направляемое вышестоящему начальнику, в соответствии с действующим в Финляндии законом о военном дисциплинарном судопроизводстве, сравнимо с судебной процедурой апелляции и что должностные лица принимают решение о содержании под стражей согласно какой-то судебной или квазисудебной процедуре. Процедура, которой следовали в случае с г-ном Вуоланне, не носит какого-то судебного характера, и вышестоящий начальник, который принял 17 июля 1987 года решение, направленное против г-на Вуоланне, не может рассматриваться в качестве какого-то “суда” по смыслу пункта 4 статьи 9; поэтому обязательства, изложенные в упомянутом пункте, не были соблюдены властями государства-участника.

9.7 Комитет отмечает, что в пункте 1 статьи 2 предусмотрено общее обязательство государств-участников, в связи с которым в отношении автора

данного сообщения был сделан вывод о нарушении обязательства, предусмотренного в пункте 4 статьи 9, поэтому нет необходимости в отдельном определении по пункту 1 статьи 2.

10. Комитет по правам человека на основе пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах считает, что из данного сообщения явствует нарушение пункта 4 статьи 9 Пакта, поскольку г-н Вуоланне не имел возможности оспорить в суде заключение его под стражу.

11. Соответственно, Комитет считает, что государство-участник обязано принять эффективные меры по исправлению нарушения в соответствии с пунктом 3а статьи 2, в результате которого пострадал г-н Вуоланне, и принять меры по обеспечению того, чтобы подобные нарушения не имели места в будущем.

14. СООБЩЕНИЕ № 195/1985, УИЛЬЯМ ЭДУАРДО ДЕЛЬГАДО ПАЕС ПРОТИВ КОЛУМБИИ

Доклад Комитета по правам человека, том II, GAOR, сорок пятая сессия, Дополнение № 40 (A/45/40), сс. 43-49. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 4 октября 1985 года

Соображения приняты: 12 июля 1990 года (тридцать девятая сессия)

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является Уильям Эдуардо Дельгадо Паес, гражданин Колумбии, который на момент представления сообщения проживал в Боготе, Колумбия. В мае 1986 года он покинул страну и попросил политического убежища во Франции, где ему был предоставлен статус беженца.

Предыстория вопроса

2.1 В марте 1983 года министерство просвещения назначило автора сообщения преподавателем богословия и этики в средней школе в Летисии, Колумбия. Автор был избран заместителем председателя союза преподавателей. Автор сообщения выступал сторонником “теологии освобождения”, и его позиция по социальным вопросам расходилась со взглядами папского префекта Летисии.

2.2 В октябре 1983 года папский префект направил в комиссию по вопросам просвещения письмо, в котором говорилось, что церковь отказывает г-ну Дельгадо в помощи, которую она ему оказала. 10 декабря 1983 года папский префект направил письмо инспектору полиции, в котором обвинил г-на Дельгадо в краже денег у одного из учащихся.

2.3 25 августа 1984 года окружной суд снял все обвинения против автора, установив, что обвинение в воровстве было необоснованным.

2.4 5 февраля 1984 года автору сообщили, что ему запрещено преподавать богословие. Вместо этого его назначили на должность преподавателя труда и ремесел [...], для которой у него не было необходимой подготовки и опыта. Чтобы не потерять работу, он взялся за преподавание этих предметов.

2.5 29 мая 1984 года автор обратился в министерство просвещения с просьбой предоставить ему двухнедельный отпуск с 26 июня по 10 июля 1984 года для посещения специальных курсов повышения квалификации преподавателей в Боготе. 5 июля 1984 года вместе с другими преподавателями г-на Дельгадо приняли на курсы, однако его прошение об отпуске было впоследствии отклонено. Он считал это решение неоправданной дискриминацией и решил посещать курсы с учетом также того, что в результате национальной забастовки [...] министерство просвещения издало приказ о временном увольнении [...] этих преподавателей.

2.6 Административными решениями министерства просвещения от 12 июля и 11 и 25 сентября 1984 года он был отстранен от должности на 60 дней и лишен права на повышение зарплаты на шесть месяцев в связи с тем, что покинул свой пост без разрешения директора. 27 ноября 1984 года автор просил об отмене этих административных решений [...], аргументируя свою просьбу тем, что он не покинул свой пост и что закон позволяет учителям посещать такие специальные курсы, на которые он был принят должным образом с санкции министерства просвещения. Его иск был отклонен. После этого автор направил апелляцию, и 3 декабря 1985 года решением министерства просвещения предыдущие решения об отстранении от должности и отказе в повышении зарплаты были отменены.

2.7 Считая себя жертвой дискриминации со стороны церковных властей и органов просвещения Летисии, автор принял следующие меры:

a) 17 мая 1985 года направил жалобу в окружную прокуратуру в связи с предполагаемыми нарушениями, совершенными в отношении него районным фондом просвещения;

b) 18 мая 1985 года направил жалобу в уголовный суд Летисии с обвинением папского префекта в клевете и оскорблении [...];

c) 28 мая, 4 июня и 3 октября 1985 года направил письма в канцелярию Генерального прокурора Республики, в которых выразил свою озабоченность в связи с тем, что в округе он не может добиться правосудия, объясняя это влиянием папского префекта;

d) 13 мая 1986 года автор написал еще одно письмо Генеральному прокурору, в котором описал, какое давление на него оказывалось и оказывается, чтобы вынудить его подать в отставку. Он указал, в частности, что 23 ноября 1983 года папский префект направил письмо министру просвещения, в котором специально и открыто просил его “оказать на меня давление, чтобы вынудить подать в отставку, что и было сделано, поскольку 2 декабря 1983 года меня вызвали в канцелярию министра просвещения, который в устной форме сообщил, что монсеньер оказывает на него давление и что в этой связи я должен подать в отставку с должности преподавателя, а в противном случае против меня будет возбуждено уголовное дело. [...]”

2.8 Когда автор проживал в Боготе, ему звонили домой по телефону неизвестные лица и угрожали убить его, если он вернется в Летисию и не откажется от своей жалобы на папского префекта и органы просвещения. Ему угрожали смертью также тогда, когда он находился в месте проживания

преподавателей в Летисии, о чем он поставил в известность военные власти, совет преподавателей, министерство просвещения и президента Колумбии.

2.9 2 мая 1986 года его коллега по работе г-жа Рубиела Валенсия была убита около дома преподавателей неизвестными лицами. 7 мая 1986 года сам автор подвергся нападению в Боготе и в июне 1986 года, опасаясь за свою жизнь, покинул страну и получил политическое убежище во Франции.

2.10 В письме от 10 июня 1986 года он направил представителю министерства просвещения в Летисии заявление об уходе с работы, мотивируя свое решение давлением и угрозами, которым он подвергался. Автору было отказано в удовлетворении его просьбы по тем причинам, которые он привел. 27 июня 1986 года он вновь просил об отставке, не приводя никаких причин; на этот раз его прошение было принято, и соответствующий приказ вступил в силу с 14 июля 1986 года.

Суть жалобы

3.1 Автор заявляет, что он является жертвой нарушения Колумбией статей 14, 18, 19, 25 и 26, а также статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах.

3.2 Автор утверждает, что он подвергался идеологическим и политическим преследованиям, а также притеснениям по месту работы со стороны колумбийских властей в связи с его “прогрессивными идеями в теологических и социальных вопросах”, что его честь и репутация пострадали в связи с тем, что власти ложно обвинили его в воровстве, хотя это обвинение преследовало цель запугать его по причине его религиозных и социальных убеждений. Кроме того, квалификация автора была несправедливо поставлена под сомнение, хотя он обучался и получил диплом в университете Святого Фомы и в течение ряда лет преподавал в высшей школе в Боготе.

3.3 Автор также заявляет, что он был лишен права на преподавание и отстранен от своей должности в нарушение декретов о приеме на службу и о статусе преподавателей [...]. Просьбу автора о переводе на другое место работы администрация оставила без внимания.

3.4 Важнее другое – автор сообщает, что он стал жертвой различных угроз, чтобы заставить его подать в отставку: во-первых, ему угрожали судебным преследованием; потом, когда он отказался просить об отставке, было начато предварительное разбирательство по обвинению автора в краже без его заблаговременного уведомления, что является нарушением его права на защиту; в ходе предварительного следствия он не был вызван для дачи показаний в суд, где рассматривалось его дело, и суд не назначил ему адвоката; кроме того, власти разослали копии необоснованных обвинений даже до проведения по ним соответствующего расследования во все отделения министерства просвещения и во все школы; в результате этого он подвергся общественному порицанию и по существу был обвинен до расследования выдви-

нутых обвинений. Помимо этого, копии обвинений были включены в его личное дело. Это нанесло ему экономический, моральный и социальный ущерб. Тем не менее, автор сообщения был оправдан по всем пунктам.

3.5 В дополнение к сказанному выше, его лишили возможности заниматься своей профессией на срок в 60 дней в связи с предполагаемым невыполнением служебных обязанностей, и на шесть месяцев его имя было исключено из национального реестра преподавателей; противная сторона пошла на всевозможные нарушения, чтобы итоги административного разбирательства не только противоречили действительному положению вещей, но и повлекли за собой уголовное разбирательство и таким образом нанесли ущерб ему и его коллегам в союзе преподавателей, которые поддерживали его. Обвинение опять было опровергнуто по всем пунктам. После этого автор направил жалобы органам власти на лиц, виновных, по его мнению, в фальсификации официальных документов, подделке его подписи, ложном обвинении перед лицом органов власти и нарушении конфиденциальности административного разбирательства, однако все это не увенчалось успехом.

3.6 Автор утверждает, что для него “было совершенно необходимо покинуть страну, поскольку он не имел никаких гарантий защиты самых основных прав человека, таких, как право на равенство, правосудие и жизнь, которые правительство Колумбии обязано защищать в соответствии с конституцией и моральными требованиями”. Согласно сообщению, государство-участник не провело соответствующего расследования в отношении угроз и покушения на жизнь автора и жизни других преподавателей.

Замечания государства-участника

4.1 После того как сообщение было признано приемлемым, государство-участник заявило, что не все внутренние средства были исчерпаны, поскольку ряд исков и жалоб еще рассматривается.

4.2 Оно по-прежнему опровергает утверждение о том, что в отношении г-на Дельгадо были нарушены закрепленные в Пакте права. Оно, в частности, указывает на то, что с г-на Дельгадо были сняты все обвинения, и утверждает, что его жалобы на различные органы власти страны были должным образом расследованы. [...]

4.3 Что касается дисциплинарного иска, предъявленного г-ном Дельгадо разным должностным лицам, то суд первой инстанции Летисии оправдал трех из них и вынес в отношении двух других решение об отстранении их на 15 дней от занимаемой должности с удержанием их жалования. Апелляции этих сотрудников находятся на рассмотрении.

4.4 Уголовное дело, начатое против папского префекта, обвиняемого в клевете и оскорблении, было передано папскому нунцию согласно конкордату между Республикой Колумбией и Ватиканом. Связанное с этим расследование продолжается. Расследование было прекращено после смерти папского префекта в 1990 году.

4.5 Что касается квалификации г-на Дельгадо, то государство-участник препровождает копию заявления министерства просвещения, в котором указываются общие требования, предъявляемые к преподавателям, не конкретизируя при этом, однако, каким образом эти требования относятся к делу автора.

4.6 Относительно правовой основы назначения преподавателей богословия в Колумбии государство-участник заявляет, что:

“Соискатели должности преподавателя богословия в Колумбии должны представить сертификат, удостоверяющий их знания в области преподавания богословия и морали, в соответствии со статьей 12 Закона № 20 от 1974 года, которая гласит : “Для осуществления права католических семей обеспечивать в соответствии с их верой своим детям религиозное образование, в учебные планы начальной и средней школы в качестве официального предмета включается богословие согласно учению церкви. В целях практического осуществления этого права компетентные церковные власти составляют учебные программы, утверждают тексты для религиозного образования и осуществляют контроль за таким образованием. Гражданские власти учитывают сертификаты, позволяющие преподавать богословие, выданные компетентными церковными властями”.

Государство-участник препровождает текст соглашения от 31 июля 1986 года между министерством просвещения и колумбийской епископской конференцией, не указывая, однако, каким образом этот конкордат относится к г-ну Дельгадо, отставка которого была принята уже 9 июля 1986 года.

[...]

5.2 4 апреля 1988 года Комитет объявил, что сообщение является в целом приемлемым, не указывая конкретных статей Пакта. [...]

5.3 Комитет рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, представленной сторонами. Он принял к сведению утверждение государства-участника о том, что внутренние средства правовой защиты не исчерпаны и что ряд исков еще находится на рассмотрении. Однако Комитет считает, что в данном конкретном случае применение внутренних средств правовой защиты неоправданно затягивается и, таким образом, нет необходимости продолжать добиваться их исчерпания для целей пункта 2b статьи 5 Факультативного протокола.

5.4 Хотя автор специально не ссылается на статью 9 Пакта, Комитет отмечает, что в представленном автором документе [...] затронуты важные вопросы, связанные с этой статьей. Комитет напоминает, что после принятия решения о приемлемости сообщения он просил государство-участника рассмотреть эти вопросы. Государство-участник оставило эту просьбу без внимания.

5.5 Первое предложение статьи 9 не является отдельным пунктом. Его положение в качестве части пункта 1 может навести на мысль, что право на неприкосновенность рассматривается лишь в контексте ареста или содержания под стражей. В самом деле, подготовительная работа показала, что обсуждение первого предложения сконцентрировалось на вопросах, связанных с другими положениями статьи 9. В статье 3 Всеобщей декларации прав человека говорится о праве на жизнь, праве на свободу и праве на неприкосновенность каждого чело-

века. Этим положениям посвящены отдельные статьи Пакта. И хотя о праве на личную неприкосновенность говорится лишь в статье 9 Пакта, нет оснований полагать, что это было сделано для того, чтобы ограничить понятие права на неприкосновенность лишь ситуациями формального лишения свободы. В то же самое время государства-участники взяли на себя обязательство гарантировать права, закрепленные в Пакте. Не может быть и речи о том, чтобы с точки зрения права государства могли игнорировать очевидные угрозы для жизни лиц, находящихся под их юрисдикцией, потому что эти лица не арестованы или не содержатся под стражей. Государства-участники обязаны принимать разумные и соответствующие меры для их защиты. Толкование статьи 9 как якобы разрешающей государству-участнику игнорировать угрозы личной безопасности не содержащихся под стражей людей, которые находятся под его юрисдикцией, сделало бы гарантии, предоставляемые Пактом, совершенно неэффективными.

5.6 Остается вопрос о применении этих выводов к фактам рассматриваемого дела. По-видимому, существовала объективная необходимость в том, чтобы государство предоставило г-ну Дельгадо защиту для обеспечения его безопасности, учитывая высказанные в его адрес угрозы, включая нападение на него и убийство его коллеги. Представляется спорным утверждение, что, добываясь обеспечения своей защиты, г-н Дельгадо не обратился к компетентным властям, направив свои жалобы военным властям Летисии, в профсоюзу учителей, в министерство просвещения и президенту Колумбии, а не Генеральному прокурору или судебным органам. Для Комитета неясно, были ли эти вопросы доведены до сведения полиции. Комитету также достоверно не известно, принимало ли правительство какие-либо меры. Однако Комитет не может не отметить утверждения автора о том, что он не получил ответа на свою просьбу о расследовании в отношении этих угроз и о предоставлении защиты, а также тот факт, что государство-участник не предоставило Комитету иную информацию. В самом деле, государство-участник не выполнило просьбу Комитета о предоставлении информации по всем вопросам, относящимся к статье 9 Пакта. Поскольку ввиду отсутствия убедительных доказательств по фактам Комитет воздерживается сделать вывод о нарушениях, государству-участнику надлежит информировать Комитет о том, являются ли указанные факты неточными или никоим образом не нарушающими Пакта. В своей предыдущей правовой практике Комитет ясно определил, что под воздействием обстоятельств он может толковать факты в пользу автора сообщения, если государство-участник не отвечает на вопросы по этим фактам или не касается их. Существенным фактом в этом деле является то, что г-н Дельгадо вступил в длительный конфликт с властями по поводу своей методики преподавания и по вопросу занятости. Против него были выдвинуты обвинения уголовного характера, которые позднее были признаны необоснованными, он был отстранен от должности, лишен права на повышение заработной платы в обстоятельствах, изложенных выше в пунктах 2.2-2.6. Далее известно, что он неоднократно обращался с жалобами на церковные и школьные власти в Летисии (см. пункт 2.7). Наряду с этими фактами существовали угрозы его жизни. Если государство-участник отрицает существование таких угроз и отказывается

сотрудничать с Комитетом с целью пояснить, были ли эти угрозы доведены до сведения соответствующих властей и какие меры были приняты в этом отношении, если таковые имели место, то Комитету придется считать справедливыми утверждения о том, что эти угрозы были известны и что в их отношении не было принято никаких мер. В этой связи Комитет, хорошо понимая ситуацию в Колумбии, считает, что государство-участник не приняло или было не в состоянии принять соответствующие меры для обеспечения права г-на Дельгадо на личную неприкосновенность в соответствии с пунктом 1 статьи 9.

5.7 В отношении статьи 18 Комитет считает, что право автора исповедовать его религию или выражать свои религиозные чувства не было нарушено. Более того, Комитет считает, что Колумбия может, не нарушая этого положения Пакта, разрешить руководителям церкви решать вопросы о том, кто может преподавать богословие и каким образом это следует делать.

5.8 Статья 19, в частности, закрепляет право на свободу выражения своего мнения. Это обычно охватывает свободу преподавателей преподавать свои дисциплины в соответствии с их собственными убеждениями, без вмешательства. Однако в конкретных обстоятельствах данного дела, учитывая особые отношения между церковью и государством в Колумбии, закрепленные действующим конкордатом, Комитет считает, что требование церкви в отношении определенной методики преподавания религии не нарушает статью 19.

5.9 Хотя требования церковных властей о том, чтобы г-н Дельгадо преподавал католическую религию в традиционной форме, не нарушают статью 19, автор сообщения заявляет, что он продолжал подвергаться преследованиям и тогда, когда преподавал светские дисциплины в должности, на которую его назначили. По причинам, изложенным выше в пункте 5.6, Комитет должен принять факты в изложении автора. Эти продолжающиеся преследования и угрозы в отношении его личности (от которых государство-участник не предоставило ему защиту) сделали невозможной дальнейшую работу автора в качестве преподавателя. В этой связи Комитет усматривает нарушение подпункта (с) статьи 25 Пакта.

5.10 Статья 26 предусматривает, что все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона. Комитет считает, что ни положения колумбийских законов, ни применение законов судами или другими органами нельзя считать дискриминацией в отношении г-на Дельгадо, и что статья 26 не была нарушена.

6. Комитет по правам человека, руководствуясь пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что факты, изложенные в сообщении, свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 9 и подпункта (с) статьи 25 Пакта.

7.1 В соответствии с положениями статьи 2 Пакта государство-участник обязуется принять действенные меры для защиты прав автора от нарушений, включая выплату ему соответствующей компенсации, и принять меры к тому, чтобы подобные нарушения не имели места в будущем.

[...]